

A detailed illustration for a book cover. A man in a dark, ornate, gothic-style coat with fur trim stands by a large, arched window. He is looking down at a woman lying in a bed. The woman has long, flowing blonde hair and is wearing a white, lace-trimmed gown. She is resting her head on a pillow and looking towards the man. The window behind them shows a snowy, mountainous landscape under a warm, orange-hued sky, suggesting a sunset or sunrise. The room's interior is dark and features intricate gothic architectural details, including a large, carved wooden headboard and a stone bust in the background.

АНАСТАСИЯ
МИЛЛЮР

ИЗГНАННАЯ
~~ЧУЖАЧКА~~ ЖЕНА
ГЕНЕРАЛА СЕВЕРА

Анастасия Миллюр Изгнанная жена Генерала Севера

<https://litres.ru/74420089>

Аннотация

Я - чужачка. Пять лет надо мной издевались и мешали с грязью, дворовые собаки жили лучше - вот она честь быть женой Генерала Севера - Айстанэра Ванрейса.

Я терпела, пока он не притащил в наш дом свою любовницу. Терпение лопнуло.

И теперь мое единственное желание сбежать, выжить и когда-нибудь... Когда-нибудь отомстить. Айстанэру Ванрейсу. Моему истинному.

— — —
18+ за жестокость, постельных сцен и мата нет

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	13
ГЛАВА 3	33
ГЛАВА 4	45
ГЛАВА 5	63
ГЛАВА 6	73
ГЛАВА 7	93
ГЛАВА 8	110
Конец ознакомительного фрагмента.	111

ГЛАВА 1

В комнате было так холодно, что больно было дышать. По каменной кладке от окна паутиной тянулся узор инея.

Я поднялась с постели, крепко сжимая зубы, чтобы они не стучали.

Слуги всегда выполняли все мои приказы из-под палки. Но теперь, когда приезжал Айстанэр, они окончательно перестали слушаться. Будто сама тень мужа, ещё не появившись в замке, уже отменила моё жалкое подобие власти.

Кутаясь в мех, я подошла к камину и открыла заслонку. На меня пахло запахом пепла и ледяной сырости. За ночь все прогорело. С детства на Соревале меня учили многому: языкам трав, предсказанию погоды по звёздам, древним языкам демонов и Высших, но не этому — не выживанию в каменном гробу. Пришлось учиться самой.

Я набросала внутрь щепок, разожгла огонь, и по телу прошла судорожная, неконтролируемая дрожь — не от холода, а от притока тепла. Я продрогла до самых костей, и теперь тепло почти обжигало.

Дверь распахнулась без стука, и в комнату вошла дородная и высокая северянка - Лэра, моя служанка. Бросив на меня косой взгляд — взгляд, в котором не было ни страха, ни даже презрения, а лишь глубокая, укоренившаяся досада на моё существование, — она с грохотом поставила его на стол.

— Не глядите на меня так, эйра. Ночью все дрова перетащили в главную спальню и столовую. Сами же приказали.

Верно. Приказала.

Приказала позаботиться о том, чтобы в покоях мужа были дрова на растопку камина. И чтобы дворовые следили за тем, чтобы в столовой было тепло. Я думала *о нём*. О его комфорте. О том, чтобы хоть в этом быть безупречной.

А Лэра и другие выполнили приказ буквально.

Я сжала зубы, чувствуя, как холодный комок стыда и ярости подкатывает к горлу. Я в который раз ударялась головой об стену северного упрямства и неприязни ко мне - колдунье с Соревалы.

— Принеси мне теплое платье.

— Я уже принесла. Вон же оно, — Лэра кивнула на заледевшее платье раскинутое на стуле.

Я сжала кулаки под меховой накидкой, чувствуя, как ногти впиваются в ладони.

Вчера она принесла его мокрым, наверняка, прямо из сушильни, где протекает крыша. Я специально повесила платье ближе к камину, надеясь, что за ночь оно высохнет. Но все получилось не так.

— За ночь оно заледенело, — у меня было чувство, словно я разговариваю с ребенком или умалишенным.

Каждый раз. Каждый раз я объясняла очевидные вещи, надеясь добиться к себе *человеческого* отношения. Иногда я не понимала, почему все еще не оставила эти тщетные по-

пытки.

— По приказу эйра Ванрейса, ваша одежда должна сушиться отдельно от общей, — она говорила с тупой непробиваемостью. — Сушильная — единственное разрешенное место. Ежели там ваша одежда не сохнет, велите дворовым разобраться. Но вы не приказывали.

Мои губы дрогнули в усталой усмешке.

Не приказывала, как же. Приказывала тысячу раз, но снова и снова получала отговорки: «В покоях эйра Ванрейса дует, надо починить», «На кухне печь стала чадить, все мастера теперь там заняты», «В псарне дверь сломалась, собаки мерзнут».

Даже благоустройство собак было важнее меня.

Я поднялась, скидывая подбородок.

— Лэра, — мой голос прозвучал твердо и холодно.

Пять лет. Они пытались сломить меня пять лет. Постоянно испытывали мою веру в пророчество Высших. Но пусть знают, сколько бы они не пытались, у них не выйдет.

— Что-то еще эйра? — она смотрела на меня почти с вызовом. На грани допустимого.

— Мне проверить, как дела у твоих детей? — спросила я, разглядывая её с прищуром. — Зима в этом году долгая. А та таинственная хворь, что ходит по городу... Слышала, она цепляется к слабым.

Наконец, на ее грубом лице промелькнули эмоции - толика страха и ледяной огонь ненависти. Она поджала губы.

— Я принесу платье.

Дверь за ней с грохотом захлопнулась.

С тяжелым вздохом, я снова присела на корточки и подбросила дрова в камин.

Мне не нравилось быть такой. Злодейкой-колдуньей, которая угрожает жизни ни в чем неповинных детей. Но это был единственный способ сделать мою жизнь в замке хоть немного сносным.

Только вот ирония была в том, что никаких особых сил у меня не было. Карточный домик страха был построен на неизвестности и слухах о моем роде. Это было единственное мое оружие.

Я использовала его мудро — лишь тогда, когда чаша переполнялась, когда грань между унижением и невыносимым унижением была бы вот-вот стерта. Как сейчас.

Но за это придется заплатить. История о том, как колдунья намекнула на смерть детей Лэры, обойдёт кухни и караульные помещения, обрастая новыми леденящими подробностями. А может и в хвори обвинят меня. Хотя именно я не спала ночами, варя целебные отвары для горожан.

«И все ради сухого платья, — подумала я с горькой усмешкой. — Ради права не дрожать на встрече с мужем, который и так смотрит на меня, как на грязь. Какая прекрасная, достойная битва».

Я редко покидала стены замка. И теперь, стоя на подвесном мосту, вцепившись в обледеневший парапет и вглядываясь в серое небо, я кожей чувствовала порывы могучего ветра. Он приносил с собой колючую свежесть далёких ледников и свободы. Заставлял слезиться глаза и будто требовал: «Отвернись. Не смотри».

Но как я могла отвернуться, когда за этими громадами облаков, где-то уже совсем близко летел он?

Позади, у ворот, толпились другие обитатели замка. Конюхи, дворовые, служанки в тонких платках, стражники, ненадолго оставившие пост. Ветер рвал с их губ клубы пара, смешивая их в одно безымянное, живое облако ожидания. И в этот миг — странный, хрупкий, обманчивый миг — между нами не было пропасти разницы происхождений. Все мы были трепещущими от восторга и предвкушения верующими, ожидающими сошествия с неба их личного бога.

Слухи уже неделю гуляли по замку, доносясь из каждого угла. Генерал возвращается с триумфом! Он одержал блистательную победу в Пучине, отбросив назад полчища монстров, подарив людям несколько месяцев покоя без набегов. Император лично наградил его за военные заслуги.

Ночами я пересказывала сама себе услышанные обрывки шепотков, представляя Айстанэра перед тронном Владыки, воображая, как он одним ударом сносит целый легион монстров, ликуя вместе с ним, когда его чествовали воины.

Интересно, как выглядело его лицо в моменты триумфа и радости? Этого я никогда не могла представить.

— Грифоны! Я их вижу! Летят! — завопил кто-то, и я, вострепнувшись, тотчас же обратила глаза к небу.

Нервно колотившееся сердце замерло в предвкушении, а потом рванулось в груди, как пойманная птица. Я оперлась на парапет, привставая на носочки. Взгляд впивался в горизонт, выискивая знакомый, мощный силуэт.

И вот они появились. Сначала как чёрные запятые на бледном листе неба. Потом — как два громадных, величественных клина. Глухой, мерный гул их полёта донёсся до моста, заставив сгрудившихся слуг ахнуть.

Первым летел он. На своем белоснежном громадном грифоне. Я не видела его фигуру, но в самом силуэте, в стремительной, режущей облака линии его полёта читалась неукротимая сила. Власть. Присутствие, заполняющее собой пространство.

На губах невольно появилась широкая улыбка. А внутри все затрепетало.

Только вот...

Еще один мощный взмах белоснежных крыльев сократил расстояние между нами. Я увидела Айстанэра - его могучие плечи, темную броню, синий плащ, развивающийся за спиной, но его образ вдруг пошел перед глазами черными пятнами. Потому что перед ним, *в его объятьях*, сидела женщина.

Одной рукой он держал поводья, другой — её, защищая

от порывов ветра. И его лицо...

Меня будто со всей силы ударили в грудь, и стало нечем дышать.

Его лицо было обращено к ней. Айстанэр склонил голову, его губы почти касались её виска, и он что-то шептал ей. Она улыбалась и ластилась к нему, точно котенок. А он... Он даже не пытался ее оттолкнуть.

Они сделали круг над мостом, обдав меня порывом ветра, хлестнувшим по лицу и сорвавшим с головы меховой капор. Я стояла, вмёрзшая в лёд собственного изумления, и смотрела, как приземляется грифон, как Айстанэр спрыгивает на землю, и как выдергивает из седла женщину, вновь притягивая ее в свои объятия.

Будто даже краткий миг без ее тепла был для него невыносим.

— С возвращением, эйр Ванрейс! Слава эйру Ванрейсу! Повелителю Севера! — голоса слились в единый, оглушительный рёв.

Айстанэр мазнул по людям незаинтересованным взглядом — тем же, каким смотрят на верных псов, лающих у порога, — крепче обнял свою женщину и пошёл к воротам.

Он прошел мимо. Буквально в двух шагах. Синий плащ шелестел по снегу, пахнул холодным металлом, дымом дальних костров и... чужими духами. Он шёл, не замедляя шаг, не поворачивая головы.

Он даже не посмотрел.

даже не посмотрел.

Я была недостойна даже его взгляда.

Горло сжалось в тугую, болезненный комок, будто слиплось изнутри. Я пыталась сделать вдох, чтобы вытолкнуть наружу привычную, заученную формулу: «*Добро пожаловать, мой господин*». Но ничего не вышло. Ни звука. Только короткий, хриплый выдох, клубящийся на морозе.

Это было впервые. Впервые я не опустила глаза в почтительном поклоне. Впервые не прошептала приветствия. Впервые не исполнила свой единственный, жалкий ритуал, который хоть как-то отмечал меня как его жену в глазах других.

Он вошел за ворота, и слуги хлынули за ним, оставив после себя только притоптанные в снегу следы, которые быстро исчезали под ледяными хлопьями.

Я поняла, что дрожу. От холода или унижения - я не знала.

Знала только, что душа рвалась в груди, и это было так больно. Так невыносимо больно...

Воины Айстанэра все еще спускались со своих грифонов, они проходили мимо меня, приветствуя слабым кивком - не так, как должны были приветствовать госпожу, но хотя бы не считали меня пустым местом.

И я продолжала стоять, не столько желая исполнить роль хозяйки и поприветствовать вернувшихся с воины магов, сколько умирая от растерянности.

Что я должна делать? Как поступить?

Мысли метались, как пойманные птицы, бьющиеся о стекло.

Продолжать стоять здесь и улыбаться, будто ничего не произошло? Сыграть роль радушной хозяйки? Вернуться в замок? Туда, где был он со своей... девкой?

— Эйра? — вдруг услышала я и медленно перевела взгляд на того, кто меня окликнул.

Это был молодой маг, по загорелой коже и темным волосам, можно было понять, что он не северянин.

— Прошу прощения, что вмешиваюсь, но все уже ушли. Здесь холодно. Будет лучше войти в замок.

Меня затрясло, и я резко опустила глаза, обхватывая себя руками под накидкой так крепко, что пальцы впились в кожу.

Какой-то незнакомец проявил ко мне больше сочувствия, чем мой собственный муж. Суженый обещанный Высшими.

Из меня вырвался странный звук. Не то стон, не то вой, не то смех.

— Эйра? — услышала я обеспокоенный голос, но уже не слушала.

Развернувшись, я быстрым шагом направилась замок, не поднимая головы и надеясь только на одно - что никто не увидит мои слезы.

Книга закончена, главы будут выходить по расписанию

ГЛАВА 2

Даже не знала, что в один миг можно испытывать *столь-коболи*.

Я стояла на балконе, скрытая тенью, и смотрела на громкое пиршество внизу: грохот кружек, ржущий хохот, жирный запах жареного мяса. Обитатели замка, которые при виде меня застывали, будто учуяв тухлятину, теперь кишели жизнью. Тот самый дворовый, который не желал ремонтировать сушильную, выводил похабную балладу, и все хлопали ему в такт. А Лэра заливалась хохотом и грозилась пойти в пляс, отчего ее стали отговаривать, боясь, как бы она не проломила пол.

А Айстанэр... Что ж...

Некоторое время он провел за столом. Я видела, как он кормил ее виноградом - виноградом, который я с таким трудом вырастила в своей теплице. Айстанэр держал сладкую ягоду у ее губ, пока она не прикусывала его пальцы смехом.

По обрывкам разговоров - *которые я не хотела слышать*- я узнала, что она магичка, выпускница Столичной академии. И она спасла Айстанэра.

Неужели этого было достаточно, чтобы вызвать в нем такую... нежность?

То что творилось внутри меня невозможно было описать никакими словами. Словно все драгоценное, хрупкое, *боже-*

ственное кто-то вдруг схватил и стал уничтожать, очернять, крупица за крупицей. Не все разом. Нет. Это было бы слишком милостиво. Постепенно, слой за слоем. Будто заживо сдирая кожу.

Вскоре они поднялись.

Айстанэр подхватил ее на руки, будто они были молодоженами, и вышел через дверь, которая вела только в одно место в замке - в его покои. Он улыбался ей. Она - ему. Вслед им звучали улюлюканья и похабные шутки.

Я чувствовала подступающую тошноту.

Значит, брачная ночь должна была выглядеть так?

Прошло уже пять лет, но я до сих пор помнила, как после брачных клятв меня молча в траурном молчании, будто сопровождая на погребальный костер, отвели в спальню и велели раздеться до нижней рубашки.

Помню, грубые прикосновения лекаря и жгучее чувство стыда, когда меня заставили лечь на кушетку и позволить проверить, «цела ли печать». Затем... Затем я просидела несколько часов в пустой комнате, с колотящимся от волнения и страха сердцем. Живот сводило от голода — это я запомнила лучше всего.

А потом... В полночь дверь с грохотом отворилась, впуслав волну холода, перегара и его фигуру, заслоняющую факелы в коридоре.

Айстанэр был настолько пьян, что не мог твердо идти. Его пошатывало. Неуклюже он стащил с себя одежду, бормоча:

«Лучше покончить с этим раз и навсегда».

Эти слова будто клеймом выжгли в моей памяти.

Покончить с *этим*. Раз и навсегда.

Дальше воспоминания были смутными. Я помнила боль, и как после всего он уснул, навалившись на меня всем телом.

Было тяжело. Каждая мышца ныла от его грубости.

Но я... Я лишь обхватила его руками и зарыдала.

Я оплакивала себя, свою юность, первую ночь, которая не оправдала надежды и была совсем не такой, как рассказывала матушка. И я оплакивала себя будущую - ту, которой предстоит вытерпеть еще немало унижений, прежде чем мой суженый примет меня.

«В следующий раз, — пообещала я себя тогда. — Он будет изнывать от желания обладать мной».

Крики в столовой стали настолько громкими, что вырвали меня из плена мрачных воспоминаний.

Я оттолкнулась от парапета балкона и медленно побрела в свою комнату.

Даже *тогда* чувствовала себя лучше. Тогда он надругался над моим телом, и я могла это стерпеть. Но сегодня... Сегодня он надругался над душой.

И как справится с этим? Высшие, как же мне это ему простить?

Чувствуя слабость во всем теле, я затворила за собой дверь. Но уединение не принесло облегчения. Я рухнула на колени, прижалась лбом к полу и закрыла глаза.

«Молю, — шептала я, сглатывая слезы. — Дайте наставления. Я слабая. Смиренно молю Высших направить меня на истинный путь. Дайте сил вытерпеть все ниспосланные мне испытания».

Жмурясь и отгоняя подступающее отчаяние, я воскрешала в памяти лицо матери.

«Он твое будущее, Раакель. Повелитель Севера. Тебе будет непросто. Ты обещана ему Высшими, ты его единственная суженая. Но ты дитя нашего рода, а не демоница. Ты никогда не получишь метки. Тебе придется доказать ему, что именно ты его судьба. И когда он примет тебя, ты навечно обретешь счастье»

Я верила в это. Так долго верила, но сегодня...

Кажется, что-то во мне дало трещину.

Едва я отворила дверь кухни, как меня накрыла волна звуков: глухой металлический удар котелка о чугунную плиту, яростное шипение сала, брошенного на огромную сковороду, нетерпеливое бульканье варящейся в чане похлебки.

Меня затошнило от запахов. А не утихающая с самого утра головная боль клыками вгрызлась в виски.

Стоило обитателям кухни, до этого мирно переговаривающимся меж собой, заметить меня, как лица их словно застыли восковой маской. Некоторые ограничились кивками, но большинство - безразлично отвернулись, возвращаясь к

своим делам. Будто меня и вовсе не существовало.

Так было всегда. Это утро не было особенным. Но почему-то именно сегодня такое пренебрежение обожгло грудь чем-то темным и вязким.

Управляющий замка - Годрик, сидел за большим столом вместе с другими слугами, жадно поедая кашу и иногда морщась, когда слышал особенно громкий звук. Вчера еще при мне он выпил едва ли не целую бочку эля, и сейчас, вероятно, мучился похмельем.

Первым порывом было предложить мой отвар от головной боли и облегчения симптомов, но я сдержалась и подошла к нему вплотную, так чтобы он не смог меня проигнорировать.

— Годрик.

Он дернул головой, не повернувшись.

— Эйра, — пробурчал он с набитым ртом.

Темная волна набегающая на ребра с каждым миготом пребывания на кухне, вздыбилась и разбилась, оставив после себя едкое чувство раздражения.

— Всех магов и воинов удалось обеспечить кровом?

Он кивнул, запивая кашу травяным сбором.

— Направьте горничных в покои капитанов сразу же, как они спустятся на завтрак. Нельзя допустить, чтобы они посчитали север грязным.

Очередной кивок.

— Поступали ли жалобы от местных на рыцарей? Пьяные дебоши, недоимки в тавернах?

Здесь Годрик замялся. Наконец, прожевал еду, сглотнул и повернулся ко мне.

— В таверне рыцари разбили несколько кувшинов и ушли, не заплатив. Хозяин приходил с жалобой. Я... распорядился возместить ущерб из замковой казны. Эйру Ванрейсу сообщать не буду.

Я поджала губы, чувствуя, как эта «тёмная волна» внутри застывает, кристаллизуется в нечто острое и твёрдое.

— Рыцари - лицо Империи. Если они будут угнетать народ, то что простой люд будет думать о своих защитниках? Такое поведение недопустимо.

Я видела, как подёргивается его щека. Не от страха. От раздражения, что ему указывают на промах. Особенно — я.

— Сообщи эйру, и пусть он примет решение о наказании.

— Вы не северянка, эйра, — отчеканил он и снова отхлебнул отвар. — Северяне не скупые жмоты, как эти жалкие выскочки с юга. Если воякам после битв хочется устроить дебош, мы возместим весь ущерб.

Годрик словно отвесил мне оплеуху. Его слова повисли в воздухе, тяжелея и заполняя пространство между нами.

Вы — чужая. Ваши понятия о порядке — чужие. Вы не имеете морального права судить наши обычаи.

Голова раскалывалась, но боль стала острой, ясной, как наконечник стрелы.

— Ты прав, Годрик, — сказала я так тихо, что ему пришлось податься вперёд. — Я не северянка. Я — эйра Ван-

рейс. Жена повелителя Севера. И моя обязанность — думать не о том, что *хочется* воякам после битв. А о том, что *нужно* Северу. Сообщи эйру, или я передам отчет его капитанам.

Тишина, что воцарилась после моих слов, была иной. Она была плотной, наэлектризованной, как воздух перед ударом молнии. Даже бульканье котлов казалось теперь приглушённым, будто кухня затаила дыхание.

Годрик не отвечал. Его пальцы, обхватившие глиняную кружку, побелели в суставах.

— Как прикажете. Эйра.

Я кивнула и отошла к кухарке. Та встретила меня насторожено-пренебрежительным взглядом.

— Вы подготовили провизию, чтобы отправить ее рыцарем в город?

Она поджала губы.

— С чего нам их кормить? Запасов и так немного.

Снова и снова. Это раздражающее до воя чувство. Словно я билась башкой о каменную стену. Долбилась в нее, каждый раз ожидая, что смогу ее проломить.

На миг я засомневалась, стоит ли открывать рот. Боялась, что из меня вырвется чистейший вопль. Но я не могла позволить себе потерять лицо перед ними.

Нет. Ни за что.

Впившись в ладони ногтями, я сглотнула жесткий ком и проговорила:

— Перед приездом гарнизона генерала мы провели учет

всей провизии. Даже с учетом заморозков и задержки зимы, наши погреба более, чем к этому готовы. По обычаям Севера мы *должны* обеспечить воинов едой и кровом. Или... — я слегка обернулась, кинув острый взгляд на Годрика, — северяне не так великодушны, как говорил управляющий?

Клянусь, я слышала как его зубы заскрипели. Его скула, покрытая сеткой лопнувших капилляров, дернулась. Вены на висках набухли, пульсируя в такт этому скрежету.

— Марго... — Годрик сделал паузу, будто каждое слово приходилось выдирать клещами. — Подготовь. Провизию.

Глаза кухарки пугливо забегали. И она поспешно закивала, подбородок её задрожал.

Годрик даже не успел перевести дух, а мой голос снова прозвучал как щелчок бича:

— Чем вы собираетесь кормить эйра?

Марта вздрогнула, как от удара. Её взгляд метнулся от моего лица к багровой шее Годрика и обратно.

— Мясом... похлёбкой и кашей, — прозвучало угрюмо, но уже без дерзости

Похлебкой и кашей?

Откуда-то из глубин поднимался странный полубезумный бурлящий смех, но я сдержала его, почти трясаясь от ярости.

— Эйр вернулся в замок с победой после длительного отсутствия, а ты хочешь кормить его кашей?

Марта оторопела. Её обидное упрямство разбилось о простую, очевидную реальность, которую она в своей злобе про-

игнорировала.

— Я... Мясо же будет! — выпалила она, защищаясь.

— Мясо и каша — это паёк рядового в походе! — голос мой сорвался на полтона выше, разрезая кухонный гул, как нож масло. — Эйр Ванрейс — победитель Пучины, герой, которого чествовал сам Император! Он вернулся в свой дом! Ты хочешь встретить его тюремной баландой?!

Я сделала шаг вперёд, и она инстинктивно отпрянула. Но я смотрела не на неё. Я обвела взглядом кухню — котлы, припасы, лица.

— В леднике есть оленина, которую я велела заготовить месяц назад для его возвращения. Есть сушёные грибы и ягоды. Есть мёд и орехи. Есть белая мука для пирогов, а не грубый помол для вашей солдатской похлёбки!

Каждое слово било, как молоток, вколачивая в их сознание простую мысль: вы не просто ко мне неуважительны. Вы — позорите его.

Скрипнул стул. Годрик поднялся, весь красный от унижения.

— Что-то еще. Эйра? — процедил он.

В глазах его читалось: «Убирайся прочь. Не посягай на мою власть».

Я почти рассмеялась. Это был смех полной безысходности и неверия.

Северяне суровы, но в гостеприимстве им нет равных? Если бы я не вмешивалась, этот миф просуществовал бы недол-

го. А эти... Эти... Я не просила от них благодарности, но враждебность? Чем я это заслужила?

Я думала, что у меня безграничный запас терпения. Но это был мой предел на сегодня.

Развернувшись, я покинула кухню быстрым шагом.

Нужно было не вмешиваться. Пусть генерал не узнал бы про расхлябанное поведение собственных рыцарей, пусть бы они голодали в городе или грабили горожан, не получив еды из замка, пусть Айстанэр давился бы пресной похлебкой. Лети оно все в Пучину, как же мне все надоело!

Долго, очень долго я ходила по краю, дремлющего вулкана, и теперь чувствовала, как землю под ногами трясет, словно она готовится к извержению.

Подобрав юбки, я спешно взбежала по ступенькам, отчаянно желая оказаться в своей теплице. Единственное место, которое могло бы принести мне короткий покой, которое хотя бы ненадолго восстановило мое равновесие.

Но... Вулкану суждено было рвануть.

Зал огласился визгливым криком: «Воровка! Держи ее!».

Воровка?

Я едва успела оглянуться, как вдруг почувствовала, что меня грубо хватают под руки.

Все внутри меня не просто застыло - схлопнулось, как воздух перед ударом грома, а затем рванулось наружу бешеным, оглушительным гулом в ушах.

Воровка?

Слово было настолько нелепым, настолько чудовищно неверным, что мой разум на секунду отказался его воспринимать.

Но грубые руки, впивающиеся в мои плечи, стальные пальцы, почти ломающие кости, — они были очень реальны. Они поднимали меня, мои ноги беспомощно заскользили по ступеням, юбки спутались. Запах пота, металла и кожи — чужой, мужской, агрессивный — ударил в ноздри.

— Немедленно отпустите! — мой голос прозвучал не как приказ, а как хриплый, животный рык. Но он утонул в гвалте вокруг. Никто не слушал. Они тащили меня, как мешок с мукой. Мой взгляд метнулся вниз, на кухню. Я увидела бледное, испуганное лицо Марты и... злорадную ухмылку Годрика.

Нет.

Нет, это точно проходило не со мной.

Я затрясла головой, словно после этого мираж перед глазами должен был развеяться. Но действительность не отступала. Меня грубо толкнули вперед, и я рухнула, больно ударившись коленями о камни пролета между лестницами.

Растерянная, униженная, кипящая от злости, я подняла голову и встретила взгляд раскосых зеленых глаз.

Это она. Девка Айстанэра.

Она смотрела на меня, как на ничтожное насекомое и ухмылялась.

Какая-то девка.

Внутри заштормило, темные ядовитые волны с каждой секундой бились все больнее и бешенее. Что-то в груди затрещало.

Уничтожу. Я уничтожу ее.

Стиснув зубы, я попыталась подняться, но неведомая сила придавила меня назад к полу.

Магичка хмыкнула, легко удерживая меж пальцев воздушную печать.

— Кто разрешал тебе подниматься, воровка?

Что-то внутри крушилось с оглушающим грохотом.

Твари. Эти бесполезные жалкие твари. Они просто стояли и смотрели. Позволяли меня унижать этой чужачке. Будто так и должно быть.

Из моей груди вырвался глухой, гортанный, бессловесный рёв абсолютной, чистой ярости и беспомощности. Ярости, которая не нуждалась более в сдерживании, в масках, в «лице».

— Как. Ты. Смеешь? — прорычала я, пронзая ее взглядом.

На краткий миг - лишь на мгновение - ее лицо изменилось в отголоске страха, но затем снова заплыло торжеством.

— Признавайся. Где оно?

Я пыталась дернуться, подняться, пошевелиться, но магическая печать удерживала беспощадно крепко и унижительно. Я словно попала в кошмарный липкий сон, из которого не могла выбраться.

И посреди этого ужаса вдруг прозвучало: «Что здесь происходит?».

Голос был как лезвие, рассекающее душный, пропитанный насилием воздух. Чистый, холодный, лишённый эмоций. И для меня он стал спасительным канатом, последним клочком твердой земли в обрушившемся мире.

Все замерло. Давление магической печати дрогнуло и ослабло, и я тот час же повернула голову. Мои глаза, застланные слезами ярости и унижения, нашли его.

Надежда. Она вспыхнула во мне отчаянной и болезненной молнией, от которой свело сердце. *Он остановит это. Должен остановить.*

— Мой господин, — голос магички, еще секунду назад визгливый и торжествующий, стал подобен меду. Она опустилась в почтительном, но не слишком глубоком поклоне. — Мы поймали воришку.

— Я ничего не крада! — выкрикнула я с хрипом, уже не в силах контролировать себя. — Где доказательства?!

Айстанэр сощурил черные глаза.

— Какие нужны доказательства, кроме ее слова? Она украла, Леатрис?

У меня зашумело в ушах, а сердце грохнулось к ногам. Что?..

— Украла, — сладостно, с готовностью подтвердила мерзавка свою чудовищную клевету. — Ожерелье, которое ты... вы... подарили мне. Ну, то... Помните? С черным жемчугом.

Ожерелье? Которое... Он... Подарил ей?

В ушах зазвенела ледяная тишина. Я, не веря собственному слуху, медленно повернулась к магичке.

Моеожерелье? Которое мама с такой любовью подбирала мне в приданое?

Мир вокруг потерял и цвет, и звук. Я видела лишь её самодовольную, ядовитую улыбку, видела тонкие пальцы, с небрежной нежностью касающиеся ключиц, будто она чувствовала там вожденную тяжесть черного жемчуга.

С нечеловеческим усилием я перевела взгляд на Айстанэра. Сердце билось так, что вот-вот разорвет грудь. Губы предательски дрожали, но голос, к моему собственному ужасу и изумлению, прозвучал тихо, звеняще-чётко:

— Это ожерелье моей матери. Последнее, что она оставила мне перед смертью. Даже если бы... если бы я взяла его обратно, это не было бы воровством. Это было бы *справедливостью*.

А он... Айстанэр... Мой муж... Мой суженый... Лишь усмехнулся. Уголок его губ приподнялся в холодной, жестокой гримасе, от которой кровь застыла в жилах.

— И что? Сейчас же верни украденное.

Земля ушла из-под ног. Мир закачался, задрожал в глазах. Или это я вся дрожала?

— Да как ты *смеешь*?!

Он прищурил глаза, в его взгляде мелькнуло лишь легкое раздражение, будто от назойливой мухи.

— Обыскать её.

Обыскать?! Меня?! Здесь, на глазах у всей челяди? На глазах у этой... этой потаскухи?!

Такого позора я допустить не могла.

Стража рванула ко мне. Я инстинктивно отшатнулась, но оступилась. Короткий вскрик сорвался с губ, мир опрокинулся, завертелся — и я кубарем, с глухими ударами о холодный камень, скатилась вниз по лестнице. В догонку, как плеть, хлестнул серебристый смех мерзавки.

Приказ на обыск Айстанэру повторять не пришлось. Добравшись до меня, воины грубо вздернули на ноги. Их руки, холодные и безликие, как железные клещи, принялись шарить по телу, залезая в складки платья, ощупывая пояс. Я горела. Не от огня, а от всепожирающего, унижительного стыда, что прожигал кожу до самого сердца.

Не стерплю. Этого я не стерплю. Лучше смерть.

— Ничего нет, эйр. В карманах пусто, — прозвучал голос стражника.

Я вскинула дрожащий, непокорный подбородок, загоняя обратно подступающие к горлу слезы, и встретила взгляд мужа. Его глаза были пусты и темны, как беззвездная зимняя ночь. Он недобро дернул ртом.

— Сорвать одежду. Обыскать бельё.

Его слова упали в гробовую тишину зала. Упали с ледяным, чистым звоном. Даже слуги перестали перешёптываться.

Кто-то из рыцарей сделал шаг вперед.

— Генерал, это...

Но под взглядом мужа замолк.

Сорвать одежду.

Я стояла, всё ещё чувствуя на себе прикосновения грубых рук, только что шаривших по моему телу. Их отпечатки пылили на коже, будто клеймо. А теперь... теперь он требовал большего.

Что-то внутри, уже давно трещащее и грохочущее, наконец *изверглось*.

Тишина в зале была оглушительной. Но в моих ушах начал нарастать гул. Сначала тихий, как отдалённый ропот моря перед штормом. Потом громче. Громче. Он затмевал всё: затаённое дыхание слуг, едва слышный смешок мерзавки, даже собственный стук сердца, который секунду назад готов был разорвать грудину.

Гул наполнялся голосами. Не настоящими. Воспоминаниями. Голосом матери, застёгивающей то самое ожерелье на моей шее: «Он твоё будущее, Раакель. Повелитель Севера». И затем голос Айстанэра, холодный и пустой: «Сорвать одежду».

Этот последний голос перекрыл все остальные. Он вонзился в гул, как раскалённый гвоздь, и весь этот внутренний шторм, вся ярость, весь стыд, вся боль — сконцентрировались в одной, ослепительной точке.

Земля под ногами *взорвалась*. Не снаружи. Изнутри. Из

той самой тёмной, ядовитой пучины, что клекотала во мне со вчерашнего дня.

Суженый, обещанный Высшими?! Лети оно все в Пучину!

Катись пророчество в пасть монстров вместе с Высшими! Терпеть? Доказывать ему, что я его судьба?! Я доказывала. Пять гребаных лет! С меня хватит!

ХВАТИТ!

Гул в ушах сменился тонким, пронзительным звоном. Звонком абсолютной ярости. Она была не горячей, а холодной, как лезвие, которое только что заточили на точильном камне моего унижения. В ней не было места мысли. Не было места страху. Не было даже места этому всепожирающему стыду.

Было только одно. Чистое, необузданное, животное желание *уничтожить*.

Я сделала шаг вперед - прямо к стражникам, которые, опомнившись, снова потянулись ко мне свои грязные клешни. Я *шагнула* им навстречу, но взгляд был прикован к Айстанэру.

Я смотрела прямо в эти пустые чёрные озёра и видела в них теперь лишь собственное отражение — искажённое, чуждое, с горящими в глубине зрачков алыми точками безумия.

Руки стражи легли на мои плечи.

Я медленно повернула голову. Посмотрела на того, кто держал меня. Его лицо было испуганным и решительным од-

новременно.

— Не... не двигайтесь, — пробормотал он, но в его голосе уже не было уверенности. Была растерянность. Потому что то, что он видел в моих глазах, не было страхом. Это была бездна, готовая поглотить.

И тогда я *улыбнулась*. Это не была человеческая улыбка. Это был оскал зверя, загнанного в угол, у которого не осталось ничего, кроме клыков.

— Тронь ещё раз, — прошептала я. Голос был тихим, сиплым, лишённым всего, кроме этой ледяной, безумной убеждённости. — И я прокляну всю твою семью до седьмого колена. Никого не пощажу. Ни детей, ни стариков. Решишься?

Он отпрянул. Инстинктивно. Его рука соскользнула с моего плеча, как будто коснулась раскалённого металла.

Я снова повернулась к Айстанэру. Моя улыбка-оскал не сходила с лица.

— Хочешь увидеть, что у меня под платьем, супруг? — мой голос звенел в тишине зала, неестественно громкий и чёткий. — Подойди и сними его сам. Своими благородными руками. Или ты боишься?

Я сделала шаг к нему. Ещё один. Стражи не решались остановить.

Айстанэр не отступил. Но в его пустых глазах, наконец, что-то шевельнулось. Недоумение. И — злость. Дикая, яростная злость от того, что вещь, которой он командовал, внезапно заговорила другим, непонятным и угрожающим

языком.

— Вернись на свое место,— прорычал он.

Место? Он приказывал мне, как собаке?

Нет. Я ведь и забыла. Для него и для всех здесь я была хуже собаки. Пустым местом. Ничтожеством.

— Вернусь. Все кончено, Айстанэр.

Он прищурился.

— Что кончено?

— Я ухожу. С меня довольно. Можешь привозить с войны хоть целый гарем, можешь хватать кого угодно без доказательств и унижать, как вздумается твоей гнилой душонке. Нравится унижать слабых? Ублюдок.

Звук оплеухи был яростным и звонким. Удар был настолько сильным, что я пошатнулась. Шея заныла от резкого движения. Щека горела, но я лишь усмехнулась.

Удар? Какая разница. Эта боль не сравнима с тем, что я чувствовала внутри.

— Решил доказать мои слова на практике? Похвально, — я жестко усмехнулась и снова посмотрела на него.

Он стиснул зубы так сильно, что желваки заходили ходунном. Но я не дала ему вставить ни слова. Мне нечего было ему сказать, и я не желала слышать новые унижения в свою сторону.

Развернувшись, я молча спустилась по лестнице и направилась через зал к двери. Меня провожали в гробовом молчании. Никто не посмел преградить путь или засмеяться.

Стражники распахнули ворота, и я вышла в одном платье, не накинув накидки, не взяв денег и приданного. Я не хотела касаться ничего в этом гребаном замка. Здесь мне ничего не принадлежало. Все здесь было осквернено проклятыми северянами. Возможно я обрекала себя на верную смерть в этих суровых землях. Но смерть снаружи была честнее жизни в замке

И, наконец, ворота за моей спиной захлопнулись.

ГЛАВА 3

Сколько у меня было времени? Полчаса? Час? Неважно.

Я не собиралась сдаваться так просто. Я должна была.

Воздух в груди резал, каждый вдох был пыткой. Ноги перестали слушаться, превратились в тяжелые, ватные столбы, которые с каждым шагом вязли в снегу все глубже.

Но самое страшное было не это. Самое страшное, что впереди не было ни намека на поселение. Лишь безжалостная белизна снегов и темнеющий вдалеке равнодушный лес.

Замок позади вскоре стал лишь бледным силуэтом, и только острые, как зубья, шпили его башен еще угадывались в серой дымке. Но этого было мало. Недостаточно.

Я не знала, как и почему во мне все еще остались силы. Мозг был ватным, мысли словно заledenели, и только что-то внутри настойчиво твердило: «Беги».

И все же... Силы кончились.

Остановившись, я согнулась пополам, пытаясь отдышаться. Каждый вдох был хриплым, рвущимся клочкотанием в груди настолько болезненным, что хотелось выплюнуть легкие. И холод, этот ледяной жнец, уже затягивал меня в свои оковы.

Меня трясло так, что я едва могла стоять. Какая-то часть сознания, тихая и спокойная, уже смирилась: *«Это конец. Просто ляг. Будет не больно. Только холод, а потом — ни-*

чего». Другая - та, что даже сейчас горела неистовым, яростным огнем, вопила в отчаянии: *«Нет! Не сейчас! Не после всего!»*. Я ведь только-только вырвалась. Только отрезала липкие, удушающие щупальца того кошмара.

Я подняла голову, ища в белесом небе хоть какую-то опору. Северное солнце висело в вышине бледным, безжизненным диском, которое совершенно не грело.

«Пожалуйста», — взмолилась я.

И вдруг — движение. На фоне мертвенной белизны неба я увидела стремительно растущую черную точку. Она увеличивалась с пугающей быстротой, обретая форму, крылья.

Грифон. Он был поистине огромен. Настоящий гигант. Но полет его был рваным: он дергался, падал вниз, снова выравнивался, извиваясь всем телом.

Запоздало до меня дошло, что грифон летел прямо на меня, и если я не сдвинусь с места, меня просто раздавят.

Слепая жажда жизни отчаянно вспыхнула в груди, заставляя двигаться, сделать неуклюжий, пьяный шаг в сторону. Я рухнула в снег, но не сдалась, продолжая ползти.

Земля содрогнулась от удара, который взметнул к облакам лежащий сугробами снег, накрывая меня с головой. Воздух разорвал низкий, всепоглощающий рокот, полный боли и бессильной ярости.

Тишина, наступившая после, была оглушительной. Медленно, с неимоверным усилием, я стряхнула с себя снег, перекатилась на спину и обернулась.

Грифон-гигант лежал совсем рядом. Удар о землю, похоже, оглушил его лишь на мгновение. Неуклюже сложенные могучие крылья дрогнули, снова поднимая снежную тучу. Он поднял голову, и его когтистая лапа с осторожностью потянулась к неподвижной фигуре рядом.

Мужчина лежал на боку, будто выброшенный ударной волной. Его одежда превратилась в окровавленные лохмотья, изодранные в клочья. Сквозь дыры в ткани зияли раны — глубокие, страшные, сочащиеся темной кровью. Снег под ним стремительно становился алым, горячим и ярким на фоне всеобщей ледяной белизны.

И грифон, издавая хриплые, жалкие клекотания, тыкал массивным клювом в плечо хозяина, сначала осторожно, потом — с нарастающим, немим отчаянием. *Вставай. Вставай. Вставай.*

Я наблюдала за этим со странным оцепенением.

Мужчина был демоном. Его ранили, он пытался спастись, но не смог управлять грифоном, и они упали. Сам грифон цел — лишь оглушена падением.

Я взмолилась. И Высшие послали мне спасение.

Живой и здоровый грифон.

Преодолеваю боль в окостеневшем теле, я поднялась и пошатываясь двинулась к животному. Оно настороженно прищурилось и угрожающе заклекотало.

Грифоны были слишком умными и гордыми и не подчинялись кому попало. Но старые предания, которые расска-

зывала мне матушка, говорили, что если обмазать затылок кровью их хозяина, можно временно получить над ними контроль.

Мой взгляд, остекленевший и вымерзший, скользнул с грифона на демона. Он уже не жилец. Его раны были смертельными. Без немедленной помощи он умрет.

Так почему я должна погибать вместе с ним?

«Нужно обмазаться его кровью и бросить здесь».

Да. Так и нужно поступить.

Мысль не вызвала ни отвращения, ни страха. Только леденящую, безоговорочную ясность. Это единственное спасение.

Стоило мне приблизиться к ним ближе, чем на пару шагов, как грифон сразу же оторвался от хозяина. Его шея вытянулась в мою сторону, золотистые глаза, полные горя и ярости, сузились. Он издал низкое, хриплое клекотание — предупреждение. Но к хозяину подойти не помешал.

Видимо ждал от меня помощи. Не будь я настолько замерзшей, быть может мне стало бы совестно. Но мне не было.

Оставшееся расстояние я преодолела ползком, боясь разозлить грифона. Наконец, я приблизилась настолько, что смогла дотянуться до демона.

Моя рука не дрожала. Я не сомневалась.

Я коснулась раны, окуная пальцы в кровь. Его лицо дернулось, с губ сорвался тихий хрип, и грифон тут же вздыбился,

угрожающе махая крыльями. Меня обдало волной холода и снега, и я поспешно нанесла кровь на затылок.

Грифон замер, его крылья остались хищно вздыблены, но теперь он всматривался в меня, будто не понимал, почему от меня пахло его хозяином.

Хорошо. Это работало.

Нужно больше крови. Мне нужно было выжить. Я должна была.

Рука вновь потянулась к демону, но замерла, не коснувшись кожи.

Сквозь промерзший разум проступила обжигающая стыдом мысль: «И чем же я тогда отличаюсь от Айстанэра, если пользуюсь слабостью того, кто не может дать сдачи?»

Мысль была такой ясной, что я физически почувствовала прилив тошноты. Муж бы, не колеблясь, бросил раненого и улетел. Любой северянин поступил бы так же — и назвал бы это здравым смыслом и волей к жизни. Муж точно бы бросил раненого и улетел. Любой северянин поступил бы также. И я сбежала, чтобы *не быть* одной из них. Ощутить теперь в себе ту же гниль, то же удобное безразличие... Это было хуже, чем замерзнуть.

Поэтому стиснув зубы до хруста в челюсти, я наклонилась, подсунула ладони под руки демона и рванула на себя. Боль, собственная слабость, леденящий ветер — все слилось в один сплошной, оглушающий рев в ушах. Но я не отпустила.

Грифон, увидев мои попытки, издал короткий звук и закружил вокруг нас, как преданный пес, не зная, чем помочь.

— Вытяни крыло, — прохрипела я. — Давай его затащим.

Он послушался мгновенно - перестав суетиться, приблизился и опустился на «колени». Его могучее плечо легко коснулось снега, а одно гигантское крыло распласталось рядом, создав упругий, пернатый скат.

— Держись же... — прошипела я не то ему, не то себе, вцепляясь в окровавленную одежду демона. — Держись, проклятый, мы оба должны выбраться!

Работа была непосильной до невозможности. Перья были скользкими и жесткими, ткань рвалась в руках, а демон был невероятно тяжел. Я скрежетала зубами, чувствуя, как в мышцах плеч и спины рвутся волокна, как ледяной пот смешивается на лбу с его горячей кровью.

Грифон не дышал. Он замер, превратившись в живую, трепещущую гору, стараясь не сделать ни одного лишнего движения, которое могло бы сбросить нас. Только его бок ритмично и сильно вздымался подо мной, и от этого тепла, этой мощи, исходившей от него, становилось чуть легче.

Когда, наконец, я втащила демона на широкую спину и рухнула рядом, грифон тихо, аккуратно сложил крыло. Затем он поднялся — плавно, невероятно плавно для своей массы, стараясь не сбросить драгоценный груз.

Его голова повернулась ко мне. Огромный, умный глаз, окруженный узорчатой кожей, смотрел вопросительно. В

нем читалось облегчение и новая, готовая к действию решимость.

Как же болело все тело. Не будь мне настолько холодно, я был разрыдалась.

Но вместо этого, я ухватила поводья, крепче сжала демона, и рванула их на себя.

Один мощный, оглушительный удар крыльев. Снежная пыль ударила в лицо, мир опрокинулся, и мы сорвались в небо.

Что было дальше я помнила смутно. Главное было держать поводья. Главное, не выпускать демона. Иногда я словно проваливалась в вязкую тьму, затем снова приходила в себя и вновь чувствовала промораживающий до костей холод.

Затем — сильный толчок. Не удар о землю, а скорее глубокое, упругое смягчение падения, словно грифон использовал всё своё умение, чтобы окончательно не выбить из нас остатки жизни.

Я встrepенулась и подняла голову, отдирая ресницы, смерзшиеся в ледяные иглы.

Свет. Теплый свет фонарей, отбрасывающий тени на проложенную в снегу людьми и повозками дорожку. Справа на каменном здании, висела вывеска — потерянная, но с нарисованным парящим из кружки дымком, обещающим невероятное тепло. Из щелей в ставнях пробивался звук — смутный гул голосов, лязг посуды.

Спасены.

Но на то, чтобы радоваться, у меня не было сил. Осталась только чудовищная, окостеневшая усталость.

Кое-как я заставила пошевелиться задубевшее тело, но вместо того чтобы прыгнуть, я просто съехала с теплого бочка и рухнула в рыхлый, утоптаный снег, не почувствовав боли.

Теперь мне предстояло стащить демона.

Бедный грифон, словно понимая, насколько невыполнимая передо мной стоит задача, пытался помочь, как мог - выгнул спину, опустил плечо и подставил крыло, чтобы демон скатился по нему, как по горке. Мне оставалось лишь поддержать его и подхватить подмышки, оберегая от жесткого падения.

Высшие, это ведь даже не половина работы.

Собрав последние капли воли, я, пятясь, потащила демона, стараясь не обращать внимания на плывущие перед глазами черные пятна и странный хруст в суставах.

Наконец, спина уперлась в грубые, массивные доски. Я отпустила демона, услышав, как его тело мягко шлепнулось о порог, и, шатаясь, толкнула дверь.

Тепло очага и запах тушеного мяса накрыл волной. От него захватило дух и слипшийся от голода желудок жалобно заурчал.

Но едва я переступила порог, как передо мной, перекрыв проход собственной грузной фигурой, возник хозяин.

— Ты чего прешься, как снежный черт? — его голос был

грубым и гулким на фоне общего гвалта. — Здесь у нас не лазарет, девка. Чтобы даже духа твоего убогого на моем пороге не было! Не пугай мне гостей!

Мерзкий, жалкий северянин.

— Хотите остаться — платите! — отчеканил он, скрепив руки на груди. Его маленькие, свиные глазки скользнули с моего лица на окровавленную ношу у моих ног, и в них мелькнуло не беспокойство, а раздражение. — А за такое... *это*... — он кивнул в сторону демона, — плата двойная. За грязь и беспокойство. Нечем? Тогда катись отсюда. И уродца своего заberi.

В этот момент из-за моей спины, из темноты, донесся низкий, предупреждающий рык. Негромкий, но такой глубокий, что его вибрация прошла по половицам. Хозяин вздрогнул и непроизвольно отшатнулся, впервые глянув за порог. Туда, где в свете фонарей, как древний страж, высилась темная громада грифона. Его глаза, отраженные светом из таверны, горели двумя узкими золотыми щелями.

— И зверюгу невоспитанную тоже! Понаехали чужаки! Никакого прохода нет! — окончательно разозлился хозяин.

Снова это слово. *Чужак*.

Покрывшая внутренности глыба льда дала трещину под напором бьющихся из самого нутра ярости и ненависти.

Ублюдок!

Я была в шаге от того, чтобы накинуться на этого неотесанного северянина и расцарапать его отвратительное лицо

ногтями. Но тут мой взгляд зацепился за золотое кольцо на пальце демона.

Времени на сомнения не было. Золото сработает лучше нападения. Даже если внутри все клокотало от бешенства.

Ставив украшение, я всучила его хозяину.

— Это плата за комнату. И еще отправь посыльного принести трав: красную крапиву, желоблен, чавницу и белянью.

Хозяин подбросил и поймал кольцо, будто проверяя его вес. Жадный блеск в его маленьких глазах на мгновение пересилил злость. Золото было не просто настоящим, оно было *очень* качественным, тонкой работы, с едва заметным темным узором, выющимся по внутренней стороне.

«Плата за комнату» — это было явным преуменьшением. За такое кольцо можно было купить половину его таверны вместе с долгами.

Взгляд хозяина метнулся от меня к демону, потом к темному силуэту за дверью. Расчетливость боролась со страхом и жадностью. Но я уже с отвращением заметила этот грязный алчный огонь, разгоравшийся в его глазах.

— Я приму это, как плату за комнату. Но чтобы принести трав, заплати еще. Идти вам все равно некуда.

Эти гребаные северяне!

В который раз за сегодня внутри что-то с треском надломилось и взревело из самой глубины чрева, из той первобытной ямы, где копошатся страх и ярость. Он заполнил меня целиком, вытеснив мысли, выжег остатки стыда и сомнений.

— Ты хоть знаешь, кто лежит у тебя на пороге, проклятая ты челядь? Ты хоть знаешь, что будет с тобой и твоей жалкой пивнушкой, если мой муж умрет здесь? От тебя не останется даже пепла! Твоя мерзкая туша пойдет на корм монстрам в Пучинах!

Все обитатели таверны замолчали, и мой голос наполненный, властью, силой и яростью, звучал оглушительно громко. Хозяин побледнел и с усилием сглотнул слюну. Его маленькие глазки забегали.

— Я... я не... — он забормотал, отступая. — Я просто...

— Травы, — отрезала я, не давая ему договорить. — Красная крапива, желоблен, чавница и белянь. Немедленно! И кипяток. И чистая комната. И чтобы никто не смел подходить к двери.

Хозяин лихорадочно кивнул несколько раз, и почти побегал вглубь дома, крича что-то сдавленным голосом кухарке и слуге.

Дальше дела пошли удивительно гладко. Демона перетащили в комнату, мне принесли все необходимое меньше чем за четверть часа и даже позаботились о еде, но о том, чтобы расслабиться не могло быть и речи.

Битва с холодом выиграна. Теперь сражаться предстояло с самой смертью.

Я вымачивала марли в приготовленном мной целебном настое, обмывала раны, поила демона отваром, размышляя: «Зачем?»

Я сделала достаточно. Я не бросила его на краю верной гибели. Так зачем же теперь я отчаянно пыталась вырвать его из лап смерти?

Ответа на вопрос не было. А у меня было слишком мало сил, чтобы его искать.

Его раны заживали быстро. Не как у людей. Будто демоническая сила внутри него, ослабевшая от потери крови, теперь, получив ничтожную передышку, принялась яростно латать полученный урон. Он боролся. Но на это все еще требовалось время.

Ночь сменилась днем, день - ночью. Я просыпалась от собственного кашля или от его прерывистого дыхания, нащупывала в полутьме чашку с отваром, приподнимала его горячую, тяжелую голову и вливала в рот лекарство. Потом снова — темнота.

«Вот и хорошо, — подумала я, уже не в силах держать глаза открытыми, нащупывая под повязкой начавшую рубцеваться кожу. — Живи»

И, наконец, тьма поглотила меня окончательно.

ГЛАВА 4

Я медленно открыла глаза. Сначала в поле зрения попал потолок — низкие, темные балки, затянутые паутиной, которой не было в замке Ванрейсов. Потом — согревающее тепло очага, смешанное с запахом старых досок, травяных настоев и... чем-то незнакомым: обволакивающая, почти бархатистая сладость, которая упиралась в дымную горечь. Инжир, амбра и смолистое дерево.

И тогда я ощутила пристальный взгляд, который словно оставлял ожог меж лопаток.

Я повернула голову, щека зашуршала по грубому полотну наволочки, и увидела *его*.

Он лежал так близко, что я кожей чувствовала тепло его тела и ритм дыхания — медленный, глубокий, тяжелый. Иссиня-чёрные волосы падали на лоб тяжёлыми, мокрыми прядями, будто он только что вышел из ванной. И глаза...

Высшие...

Они были серыми. Не цветом дождя или стали. Цветом пепла после пожара.

Он смотрел на меня, не мигая, и весь его облик, вся его неподвижность кричали не о той грубой, подчиняющей силе, которая была мне хорошо известна. Нет. От него исходило гнетущее, плотное, вытесняющее звук поле тишины. И хотелось не бежать от него прочь, а затаить дыхание, чтобы не

стать тем, на что это молчание обрушится первым.

Его губы изогнулись в опасной усмешке, словно он дождался моего полного пробуждения, моей оценки.

— А вы, северяне, и правда смелые. Ни одна эйра в столице не посмела бы затащить меня в свою постель. Еще и уснуть в ней. Будучи одетой.

Слова повисли в спёртом воздухе комнаты. Они были обёрнуты в шёлк насмешки, но внутри звенела сталь. Угроза? Провокация? Испытание?

Я медленно поднялась. Глухая и тупая усталость последних дней никуда не делать. У меня не было сил играть с этим демоном - вероятно даже, верховным демоном - в его игры.

— Я не северянка.

Будто не желая выпускать меня из поля зрения он поднялся следом, ни на миг не отрывая взгляд от моего лица.

— Тогда ты очередная бедняжка попавшая в грубые лапы северных мужланов?

Он издевался?

Мне сложно было прочесть его интонацию. За пять лет я привыкла к грубой прямолинейности северян.

С тяжелым вздохом я потеряла лицо.

Когда этот демон был без сознания, он определенно нравился мне больше. Он был проблемой. Но тихой.

Я опустила руку и встретила его взгляд. Моё молчание, моя усталость, мое отсутствие страха — казалось, *это*, наконец, заинтересовало его по-настоящему.

— Что же у тебя за история? — в его тоне снова заплелась знакомая сладкая язвительность. — Ты не магичка. И не исследовательница. И даже не совсем человек?

В глазах демона вспыхнул игривый, жестокий огонёк.

Даже в своем странно оторопевшем и отрешенном состоянии я почувствовала нечто похожее на удивление. Этот демон пробыл со мной, находясь в сознании, сколько?.. Несколько часов? И по запаху понял, что я не демон и не человек?

— А все *южане* проводят допрос тех, кто их спас? — вернула я его вопрос и посмотрела на него, спокойным ровным взглядом. — Или это такая местная манера выражать благодарность? Понюхать, определить расу и вынести вердикт?

Мне было без разницы, что он уловил аромат моей сути. Ни для кого на севере не было секретом, что я проклятая колдунья с Соревалы.

Я ждала, что он разозлится. Оскорбиться. Обидится, на худой конец.

Но никак не была готова к тому, что после короткой паузы и испытующего взгляда он вдруг разразится искренним смехом.

Он откинул голову, и на мгновение всё — его язвительность, его опасная пронизательность, сама аура угрозы — рассыпалось, замещённое чистым, *почтиневинным* весельем.

— О, Высшие, — выдохнул он, вытирая уголок глаза, где, казалось, блеснула влага от смеха. — Мне нравится твой ост-

рый язычок, маленькая дикарка.

Демон снова посмотрел на меня, но вместо вымерзшего пепелища, теперь в его взгляде горел живой, любопытный огонь.

— Сколько тебе лет? Шестнадцать? Семнадцать? — новый вопрос был таким же неожиданным, как и смех до этого.

Теперь настала моя очередь смотреть испытующе на этого чудика. Может, он повредил голову, когда упал с грифона? Но вроде бы я не видела у него травм черепа...

Вопрос повис в воздухе, простой и нелепый. Но что-то внутри болезненно отозвалось на эту проклятую цифру.

Шестнадцать.

Именно в этом возрасте я приехала на Север полная надежд. Именно тогда я вошла в замок и стала женой чудовища.

— Нет, — протянул демон, не дожидаясь моего ответа. — Не шестнадцать. Больше. Около двадцати. — Он словно говорил сам с собой, его взгляд скользил по моим плечам, впалым щекам, худым запястьям. — Но ты такая маленькая и угловатая... Совсем, как подросток.

Как подросток. И правда. Будто время для меня остановилось, когда моя нога ступила на земли гребаного Севера.

Я сжала челюсти, чувствуя, как под этой истиной дрогнуло что-то глубоко внутри. Не ярость. Стыд. Стыд за это своё несовершеннолетнее, недоразвитое тело, за эту вечную юность, которая была не благословением, а свидетельством

пытки.

— Двадцать один, — выпалила я, и голос сорвался, став выше, почти девическим. Проклятие. — Мне двадцать один. Или тебе нужны точные даты для моего досье?

Я ожидала, что он подхватит эту колкость, раздует из неё новый костёр насмешки.

Но он лишь покачал головой, и в его глазах промелькнуло что-то сложное. Не жалость. Но что-то резонирующее в груди, вскрывающее заживо грудную клетку.

Я прикрыла глаза, почти опасаясь, что он своими точными, бьющими прямо по цели словами, сделает во мне новую дыру. Ожидала очередного удара, но демон снова выдал нечто непредсказуемое.

— Я распорядился о ванной для тебя. Или как это тут называется? Лохани?.. И порасспрашивал местных, *женушника*, — он бросил это ласковое, ядовито-презрительное обращение так небрежно, что у меня дёрнулось веко. — Хорошо, что тебе не шестнадцать, увидев тебя на кровати, я почувствовал себя почти растлителем малолетних.

Он не какую-то чушь. И удивительно, но она помогла мне вынырнуть из заводи душных мыслей, которая почти поглотила меня с головой. Моральные терзания, знаешь ли, портят аппетит.

То ли от абсурдности ситуации, то ли потому что я тоже ударилась головой, я неожиданно самой для себя улыбнулась.

Уголки губ дрогнули и потянулись вверх. Это было забытое, почти болезненное ощущение, как будто я пыталась пошевелить атрофированной мышцей. Но оно было. Легкая, хрупкая, почти невесомая улыбка.

Моральные терзания? У него?

Картина, которую вызвали эти слова, была настолько нелепой, что прочь отошло всё — и его пронизательность, и мои раны, и ледяная глыба прошлого.

И тогда я увидела, как в его серых глазах вспыхнула искра настоящего, почти триумфального удовлетворения.

— Улыбка тебе идет, — произнес он почти нежно, но не забыл слегка язвительно добавить: — Хотя с ней ты выглядишь и вовсе как дитя. Похоже, нам все-таки придется поменять легенду. Будешь моей незаконнорожденной дочерью.

И вот тут я уже не выдержала, трясась от хриплого, тихого смеха.

Что с ним было не так? Дочерью? Он что, зачал меня, когда ему было пять?

— Если продолжишь смеяться, скатишься до младенца. Осуждает меня?

— Тогда придется... — выговорила я, сдерживая новый приступ смеха, — сказать, что ты мой дедушка.

Наступила секундная тишина. Я сама замерла, удивлённая собственной дерзости. Но страх не пришёл. Пришло ожидание. Как у игрока, сделавший неожиданный ход.

И тогда он рассмеялся.

Второй раз. Уже второй раз за сегодня. Как давно кто-то смеялся от моих шуток? Мысль прилетела тихой, ядовитой стрелой. Только-только показавшаяся улыбка медленно померкла, и демон сразу это заметил

Он пересек комнату, одним движением поднял сложенную стопку вещей на полке и бросил их на кровать передо мной неожиданно точным, почти небрежным броском.

— Скорее иди мойся. От тебя пахнет кровью.

Я машинально взяла одежду. Мягкую. Чистую. *Сухую*. Без вышивок, без знаков рода. Просто... одежду. *Для человека*.

И в горле зацарапался ком. Горячий, плотный, сдавливающий. Не от горя. От признательности, которая была так сильна, что её невозможно было выразить.

Не в силах выдавить ни слова, я кивнула, поднялась и направилась к двери, ощущая все тот же странный испытующий взгляд меж лопаток.

Помыться в горячей до жжения воде было приятно. Лохань стояла в отдельной комнате с кроватью - похоже демон отдал такие распоряжения, чтобы каждый из нас мог уединиться, приводя себя в порядок.

Предусмотрительно.

Я почти забыла, какого это. Когда не нужно контролировать каждую бытовую мелочь, потому что ни на кого нельзя положиться. Просто пользоваться плодом чужих приказов,

обеспечивших твой комфорт, было хорошо до безобразия.

Исходящий из лохани пар пах розами, словно в нее добавили парфюмерное масло. Набрав в пригоршню воду, я медленно вылила ее обратно, с наслаждением вдыхая плотный, бархатистый аромат.

Откуда взяться парфюмерному маслу на Севере? Я готовила немного в замке для личных нужд, но никогда не видела, чтобы его продавали лавочники.

Демон с Юга, и правда, совсем другой.

Поднявшись из лохани, я ступила на предварительно расстеленное пушистое полотенце и потянулась за чистым. Неспешно промокнула темные волосы, обтерла тело и облачилась в теплую одежду.

Удивительно, но она была мне в пору. Словно демон провел точные мерки перед тем, как распорядиться купить ее. Представив его с измерительной лентой, кружащего вокруг моего полумертвого от усталости тела, я снова улыбнулась.

Забавно.

Но уголки губ опустились, когда я вспомнила, как в замке мне каждый раз приходилось ушивать сшитые для меня платья. Не потому что швеи были неумелыми, но за все пять лет, ни одна даже не думала произвести обмеры. А когда я принесла им их лично, главная швея лишь отмахнулась.

«Мне приказали сделать вам одежду, я сделала».

Я тряхнула головой, избавляясь от воспоминаний. Это уже в прошлом. В прошлом, которое закрылось вместе с гро-

хотом захлопнувшихся ворот за спиной. Не за чем каждый раз нырять в этот темный омут.

Стянув все еще мокрые волосы узлом, чтобы не намочить платье, я вернулась в комнату, где меня ожидал демон. При моем появлении он бросил на меня короткий взгляд и снова вернулся к пустой книге, лист которой он заполнял быстрым, красивым, размашистым почерком.

Не зная, куда себя деть, я опустилась на кровать.

Краткая передышка закончилась. И я была благодарна демону за нее. Но пора было двигаться дальше.

— Я спасла тебя. Но сделала это не бескорыстно, — медленно произнесла я, мысленно настраиваясь на том, чтобы отстаивать свою позицию.

Я даже была готовиться опустится до описаний того, насколько тяжело мне далось это «спасение». Любой ценой я должна была добиться от него готовности оказать ответную услугу.

Но вместо возмущений и обвинений меня в бездушности, демон молча кивнул, даже не повернув головы, будто я сказала нечто само собой разумеющееся.

Я моргнула, в очередной раз сбита с толку.

Да что же он за существо такое?

Прочистив горло, я продолжила.

— Я хочу, чтобы ты помог мне добраться до столицы.

Очередной кивок, но следом - молчание.

Тишина затягивалась, становясь густой и нервирующей.

Что такое? Может быть он не слушал меня, погрузившись в свои записи и кивал машинально? Нахмурившись, я поднялась, намереваясь подойти ближе, чтобы привлечь внимание и повторить просьбу. Но неожиданно он сам ко мне обернулся и слегка вздернул бровь, будто чего-то ожидал от него.

Сцена была почти комичной. Я смотрела на него с растерянностью и легким раздражением, он - на меня с ироничным выжиданием. Кажется мы оба вели себя совершенно не так, как ожидали друг от друга.

— Почему ты замолчала? Добраться до столицы, что дальше?

А что дальше? У меня вдруг возникло чувство несоответствия: словно мы говорили на разных языках. Осторожно, будто ступая по тонкому льду, я тихо уточнила:

— Что ты имеешь в виду?

У него дернулась бровь.

— Я уже понял, что ты странная. Но лицемерие тебе не идет. А излишняя скромность бесит.

Ощущение, что он слышал не то, что я говорила - крепло. Возникло странное желание оглядеться, может, в комнате был какой-то невидимый мне собеседник?

— Я не понимаю, — призналась я, оставив попытки разобраться в этом чуде.

Слегка прищулив глаза, он откинулся на спинку стула, оставшись повернутым ко мне полубоком.

— Дом в столице, где и каких размеров? Или ты хочешь

несколько домов? Сколько слуг? Сколько золота? Пятьдесят сундуков хватит? Рекомендации в высшем обществе? Какой титул ты хочешь?

Опешив, я снова опустила на кровать.

Титул? Пятьдесят сундуков золота? Да, кто же он такой?

Внутри медленно растекался удушливый стыд. За кого он меня принимал?

— Я не собиралась ничего просить. И до столицы добралась бы сама, если бы у меня была возможность. Не нужно мне ни золота, ни титула.

Холодное раздражение в его глазах снова сменилось тем самым огоньком любопытства, который я видела до этого. Он поднялся, отложив ручку, которую до этого вертел меж пальцев, подошел ко мне, опустился на корточки и заглянул в глаза.

— Думаешь, моя жизнь стоит жалкого билета до столицы? — с язвительным поддразниваем спросил он.

Но я не понимала соль шутки этого вопроса.

Я не пыталась «оценивать» его жизнь своей просьбой, отмеряя ее ценность как торгаш на рынке. Я помогла ему, он мне должен, я могу потребовать вернуть долг, вот и все.

— Думаешь, твоя жизнь стоит пятьдесят сундуков золота и пары зданий? — мой вопрос прозвучал тихо, но в нём больше не было растерянности. Была усталая горечь.

Демон замер, скользя по моему лицу с выражением, которое я не могла объяснить. Между нами снова повисло молча-

ние, странное, затянувшееся, но в нем не было напряжения, оно было похоже на то, словно два существа, принципиально разных видов, внезапно столкнулись и теперь изучали друг друга с холодным любопытством.

Наконец, его губы изогнулись в намеке на усмешку.

— Любопытно. Даже страшно отпускать такое дитяtko в порочную столицу. Там тебя сожрут, не подавившись.

Я устало вздохнула.

Может, он и прав? Зачем мне в столицу? Может стоит уйти в спокойный тихий людской город? Я могла бы продавать травы, лечить людей. А по-началу зарабатывала бы на жизнь шитьем одежды. У меня не было больших амбиций. Все, чего я хотела - это спокойствия.

Словно почувствовав смену моего настроения, демон сжал мое колено в едва заметном ободряющем жесте. Я вздрогнула, отвыкшая от такого. Он сразу же отнял руку и поднялся.

— Отложим этот вопрос. В любом случае, я пока не планировал возвращаться. Какое-то время тебе придется сопровождать меня, и когда я закончу с делами, возьму тебя с собой.

Он командовал мной. Но его приказ не вызвал отторжения. Вместо этого он принес с собой облегчающую, почти живительную силу. Мышцы спины и плеч, которые были сведены в каменный узел последние... годы, кажется, дрогнули и расслабились. Еще какое-то время мне не нужно бороться

с этим миром, выцарапывая у него свою жизнь.

— Нам уже нужно уходить, — продолжил он, и вдруг я почувствовала что-то теплое над головой.

Мгновение, и мои волосы опустились на плечи мягкими волнами, полностью высушенные. Следом мне на колени упали теплая меховая накидка, муфта и капор.

— Идем.

Во мне было столько эмоций и мыслей, что переварить их все, казалось просто невозможной задачей. Я затихла и, надев вещи, молча последовала за демоном. Но он вдруг остановился в дверях и обернулся с почти мальчишеской усмешкой.

— Чуть не забыл. Я - Астарот.

Астарот.

Я тихо повторила его про себя, словно пробуя на вкус.

На древнем соревальском языке моего рода, «астар» значило «вихрь».

Это имя подходило ему больше всего. Он ворвался в мою жизнь словно непредсказуемый вихрь, и даже сейчас после нашего непростого разговора, он вдруг едва ли не с детской непосредственностью вываливает на меня свое имя.

Уголок рта дрогнул в намеке на улыбку.

— Раакель, — представилась я в ответ.

На краткий миг глаза Астарота чуть сощурились. Но это было так мимолетно, что я решила - лишь показалось, ведь спустя еще мгновение его усмешка переросла в улыбку.

Он развернулся ко мне всем телом, подхватил мою вмиг онемевшую руку, и прежде чем я успела осознать его намерение, Астарот развернул ладонь и прижался губами к внутренней стороне запястья, ровно там, где неровно бился мой пульс.

— Мое почтение, эйра Раакель.

«Эйра Раакель... Эйра... Раакель», — крутилось у меня в голове, пока мы выходили из таверны.

Назвать свое настоящее имя было верхом глупости. Я слишком расслабилась рядом со сбивающим с толку Астаротом.

Эйра... Он был уверен, что я сбежавшая жена титулованного демона. Но мог ли он догадаться, что я была супругой правителя Севера?

Вряд ли... Кажется, даже Айстанэр не помнил моего имени. И в замке ко мне всегда обращались не иначе, чем «эйра Ванрейс». Оно просто стерлось за те пять лет в ледяной клетке.

Я задумчиво посмотрела в спину идущего впереди Астарота.

Может, это не было глупостью или потерянной бдительностью. Может, какая-то часть меня осознанно назвала настоящее имя, желая, наконец услышать его в чьих-то устах спустя долгие годы.

«Раакель», — он не бросил это небрежно. Произнес

вкрадчиво и глубоко, будто заключая между нами тайный союз.

Грифон, нетерпеливо перебирая лапами, уже ждал нас на улице. Заметив хозяина, он радостно заклекотал и взмахнул крыльями, снеся половину товара расположившегося рядом лавочника. Тот побагровел от досады, но сказать ничего не посмел – лишь опустил голову и с опаской стал собирать то, что упало, боясь попасть под очередной удар обрадованного грифона.

В прошлый раз этот громадный и величественный зверь беспрекословно слушал мои команды. Но было ли это началом доверия, или на него действовал древний ритуал с нанесением крови на затылок? Ответа у меня не было, поэтому я решила не подходить слишком близко, ожидая Астарота.

Только тогда я поняла, что демон, все время идущий впереди меня, зачем-то остановился у порога. И раньше, чем я успела обернуться, вдруг почувствовала как воздух изменяется, плотнеет и искрится от собирающейся в печать мощной магии.

Не понимая, что происходит я развернулась. И застыла.

Астарот стоял с видом человека, скучающего на светском рауте. Без единого намёка на усилие, одной лишь рукой, обращённой ладонью вверх, он удерживал в невесомости гигантскую формацию. Это был спрессованный ураган, клубок яростного рока, нависший над пока ещё целой таверной. Он пульсировал тихим, зловещим светом, и от него звенело в

ушах.

В голове пронеслись обрывки знаний: магия делится на ранги. И эта печать... Судя по искрящейся, перехватывающий дух мощи, она была, может, восьмого ранга... Или выше?

Значит, я была права.

Он действительно был Верховным.

В это мгновение постояльцы и слуги, ведомые слепым животным ужасом, с криками и воплями хлынули из дверей и окон, выламывая ставни. Мир вокруг погрузился в хаосе. А я, с несвойственной мне отстраненностью, пыталась осмыслить абсурд происходящего.

— Зачем все это?

Астарот, не теряя концентрации, бросил на меня косой взгляд, почти забавляясь. Уголок его рта дрогнул в усмешке.

— Как ты верно подметила, если бы этот жалкий отброс оставил меня умирать на его пороге, *от него не осталось бы даже непла...*

У меня перехватило дыхание. Он повторил мои же слова — дословно, с той же ядовитой интонацией. Но... *как?* Он был без сознания.

— Но раз уж он просто отказался обслужить меня, *как полагается*, — продолжил демон с ледяной вежливостью, — снести эту дыру будет достаточно.

От этих слов хозяин, стоявший позади, будто физически ссохся. Лицо его посерело, морщины прорезались глубже,

всего за пару секунд стал стариком.

— Нет-нет-нет! Эйр, умоляю! — его отчаянный вопль сорвался в истерический визг. Он бросился к ногам Астарота, хватая за край плаща. — Смилуйтесь! Всё, что угодно! Я...

Мольба обрубилась. Астарот лишь слегка прищурился, словно разглядывая назойливое насекомое и медленно, с непрерываемой гравитационной тягой, разжал пальцы.

Раздался режущий слух *хруст* — будто ломались рёбра мироздания. Оглушительный грохот поглотил визги, крики и сам воздух. Стены таверны не просто рухнули — они *сложились* вовнутрь, сдавленные невидимым кулаком, и взметнулось облако пыли, пронизанное зловещим сиянием распадающейся магии.

Я молча наблюдала за детским плачем, воплями людей, испуганными причитаниями женщина.

Как странно... Я не чувствовала отвращения.

Астарот вел себя, как Айстанэр, - как ведут себя все демоны? Он издевался над слабыми, которые ничем не могли ему ответить. Но где же тогда мое отторжение? Почему его не было?

Может потому, что алчное лицо хозяина таверны с бегающими свинными глазками все еще стояло перед внутренним взором? Может потому, что я все еще чувствовала на языке едкий привкус бессильной ярости?

А если бы Астарот пришел в замок Ванрейсов? И одного за другим, как мух, прихлопнул слуг, которые унижали,

стирали меня долгие годы? Почувствовала ли бы я тогда от-
вержение? Вряд ли.

Я ясно увидела, осознала - моя неприязнь была выбороч-
ной, и пока сила Астарота была направлена против моих вра-
гов, все было в порядке.

Похоже, Север слишком глубоко пустил в меня свои кор-
ни.

ГЛАВА 5

Дни потекли один за другим, наполняясь успокаивающей рутинной.

Мы переехали в город, который был на самой границе с Пучиной. Что удивительно, простой таверной Астарот не ограничился. Он купил (или быть может, снял?) огромный дом, в котором прислуживали безмолвные, никогда не поднимающие головы и глаз слуги.

Странно, что во всем поместье нашлась только одна спальная комната, поэтому каждую ночь мы с Астаротом проводили вместе. В этом не было ничего интимного и пошлого. Он никогда не пытался пересечь молчаливо проведенную между нами черту. Я ни разу не чувствовала, чтобы он смотрел на меня иначе, чем как на свою подопечную, попутчицу или, возможно, друга.

Астарот часто пропадал на целый день, а по возвращении записывал что-то в свой дневник. Он не держал свои дела в тайне намеренно, просто я не интересовалась и никогда не задавала лишних вопросов. Взамен я получила доступ к шикарной библиотеке со всевозможными книгами и возможностью жить, не беспокоясь ни о каких делах.

Иногда я выходила на короткую прогулку, но с трудом терпела настороженные взгляды окружающих.

«Чужачка», — надоедливо витало в воздухе.

Я была по горла сыта подобным отношением, поэтому предпочитала сидеть дома.

Ничто не вторгалось в этот неспешный, идеально выверенный ритм. До сегодняшнего дня.

После короткого стука, дверь в спальню распахнулась. Слуги один за другим стали заносить в комнату сундуки. Я насчитала не меньше тридцати. За несколько мгновений они почти целиком заполнили просторную комнату.

Замыкал процессию Астарот.

— Что это? — спросила я, обводя взглядом изменившееся помещение.

Безмолвно и бесшумно, точно призраки, слуги скрылись за дверью. Выдержав паузу, Астарот прошел к своему рабочему столу, глянул на книги, которые я там оставила и улыбнулся краешком рта.

— Посмотри.

Тридцать сундуков. Что там могло быть? И зачем они здесь?

Любопытство, сначала едва ощутимое как взмах крыльев стрекозы, быстро набирало силу, и вскоре уже нетерпеливо щекотало внутренности, подмывая меня узнать эту маленькую тайну. Отложив фолиант, рассказывающей и базовой природе магии, я поднялась, добралась до ближайшего сундука и подняла тяжелую крышку.

Внутри, уложенная с педантичной аккуратностью, лежала мантия. Не просто накидка, а произведение искусства из ме-

ха, о котором я знала лишь из слухов. Я погрузила в него руки. мех был теплым, обволакивающим. Он словно отвечал на прикосновение, впитывая тепло ладоней. Отрывать руки было мучительно, словно разрывать невидимую связь.

— Мягко, — тихо заметила я, нехотя оставляя мантию.

— Хорошо, — бросил Астарот мимоходом, просматривая свои вчерашние записи. — Надеюсь, ты найдешь, как это разместить здесь. Сундуки мешают.

Я могла. Но зачем их размещать здесь?

Наверное, мое молчание было достаточно красноречивым, чтобы Астарот повернулся ко мне, вскинув брови.

— Что? Тебе же нужно в чем-то ходить.

Он... Купил все это... Что бы мне было в чем ходить?

Знакомый ком сдавил горло — не острый, а тяжелый, как свинцовая руда. Сердце замерло, будто сжатое в ледяном кулаке, но не от страха... А от панической благодарности, которая разъедала изнутри, как кислота.

Почему?

Высшие, почему?

Он дал мне чистую одежду, заботился о комфорте, поселил рядом, обеспечивая безопасность, позволял мне просто жить, не ожидая ничего взамен - и я с трудом могла это принять.

Но...

Эта его внезапная щедрость... Она была куда хуже вежливости... И в тысячи раз страшнее грубости и безразличия.

Будь он также жесток, как северяне, как Аэйстанэр, хоть на чуточку, тогда то, что я пережила будучи эйрой Ванрейс не было бы столь унижительно безнадежно.

Дрожь началась глубоко в костях. Прорвавшись она выплеснулась из расщелины, которую я упорно игнорировала все эти дни.

Губы затряслись, и я поспешно отвернулась от Астарота, надеясь загнать подступающие слезы обратно. Но глаза уже жгло, и изнутри волнами накатывал подступающий плач.

— Нет... — недовольно протянул он. — Даже не думай. Ненавижу плачущих женщин.

— Т-тогда от-твернись, — выдавила я, сдерживаясь из последних сил, сжимая в руках божественно мягкий мех.

Я слышала его резкие шаги, нервный, отрывистый вздох, лязг отодвигаемого стула.

— Ну что там у тебя? — его голос был полон непонятного раздражения. — Что за глупая женская причина? Этот мех похож на тот, что дарил тебе муж, и на тебя нахлынули воспоминания?

Его слова стали тараном, окончательно прорвавшим плотину.

Дарил?

Воздух застрял в горле. Мир сузился до белого пятна перед глазами. Я задохнулась, зажимуриваясь.

За все годы я не получила от него в подарок даже погнутого медяка. Он ничего мне не дал. Но посмел подарить мою

вещь своей шлюхе.

Бушующий поток подавленных чувств хлынул наружу, и я согнулась пополам, как перебитый клинок, пытаюсь удержать вместе распадающиеся на осколки внутренности. Рыдания душили, рвались наружу хриплыми, беззвучными спазмами.

— Поглоти тебя монстры! — выругался Астарот.

Дверь захлопнулась с такой силой, что дребезжали стекла в окнах. Но мне было не до этого. Меня трясло так, что я не могла оставаться на ногах. Колени подогнулись, и я рухнула на пол, воя от боли.

Я же верила...

Высшие, почему я так в него верила? Будь у меня хоть толика сомнений, я никогда бы не пала так низко. Почему? Почему я была такой глупой? Сколько во мне было наивной неистовой убежденности, что он мой суженый. И как чудовищно жестоко и методично она уничтожалась день за днем, шаг за шагом в том проклятом замке.

Рыдания затягивали меня в глубины отчаяния, бессилия и стыда.

Почему? Почему?

И тогда меня подняли на руки. Осторожно, но с неотвратимой, безоговорочной силой. Чужое тепло, чужой запах — бархатный, с горечью полыни и теплого дерева — окутали меня. И я слепо, почти инстинктивно потянулась к нему, зарывая лицо в мягкую ткань, цепляясь за чужое тело с такой силой, что ощутила теплую влагу крови под пальцами.

Он было якорем. Единственной твердой точкой в рушащемся мире. И я держалась, не понимая, кто держит меня, не желая понимать, просто жадно впитывая это молчаливое присутствие живой плоти рядом. Рыдания трясли мое тело, а его руки — твердые, неумолимые — не давали мне разлететься в прах.

В какой-то момент я затихла, полностью отрешенная от внешнего мира, потрясенная тем интенсивным переживанием, которое только что испытала. Потом медленно начали возвращаться звуки - я услышала ровное, глубокое дыхание. Затем - узнала запах тела, и тогда, наконец, поняла, в чьих объятьях нашла утешение.

Астарот.

Но не сделала ни попытки освободиться или вырваться.
— И что же он за ублюдок? — вкрадчивый, мягкий голос отозвался во мне дрожью.

Тихо выдохнула и сглотнула соленую слюну.

— Он ужасен, — подтвердила я шепотом, не открывая глаз. — Посмел подарить мне зеленое платье, вместо белого. Как же его можно было простить после этого?

— Вопиющее безобразие. Напомни мне вызвать его в столицу, когда мы вернемся. Для наказания, — слова прозвучали угрожающе.

И хотя какая-то часть меня с жадным злорадством подняла голову, желая хоть на каплю отомстить за все унижения, что я перенесла по вине мужа, но...

Каким бы верховным демоном не был Астарот, мой муж был генералом. «Вызвать» его мог разве что император, и к тому же... лишь при мысли о том, чтобы увидеть Айстанэра снова внутри поднималась кислая волна тошноты.

— Все уже в прошлом. И разве можно беспокоить эйра лишь из-за глупого платья?

Астарот промолчал, но тишина длилась недолго.

— Если ты закончила орошать мою грудь слезами, то слезай. Все колени мне отсидела.

Несмотря на нарочито грубые слова Астарота, его поведение говорило об обратном. А поступкам я всегда доверяла больше слов.

Шмыгнув носом, я перебралась на постель и свернулась калачиком. Я никогда бы не позволила себе такое поведение при других, но с Астаротом чувствовала необъяснимую легкость. Будто я могу быть любой. И за это меня не осудят.

Он бросил на меня косой взгляд и, поднявшись, фыркнул.

— Знаешь, на кого ты похожа?

Я промолчала.

— На кошку.

Он нес какой-то бред. Как обычно.

Прикусив губу, я перевела на него взгляд и увидела, как он снял рубашку, обнажая мускулистый поджарый торс. В прошлый раз, когда я видела его обнаженным, кожа Астарота вдоль и поперек была покрыта свежими глубокими ранами, из которых сочилась кровь. Но не теперь.

Я медленно прошлась взглядом по широким плечам, рукам со вздутыми венами, по выточенным словно из камня ключицам, рельефному животу и остановилась на крае штанов.

— Насмотрелась? — усмехнулся Астарот и потянулся за рубашкой. — Все-таки ты та еще бесстыдница.

— Это просто тело, — ровно ответила я и отвела взгляд. Не потому что стало стыдно. Просто я уже увидела все, что меня интересовало.

— Ты знаешь, что многие мужчины находят смущение и незащитность привлекательными?

Я моргнула, всматриваясь в мягкие ворсинки меха.

— И что?

Астарот хрипло рассмеялся.

— Ты и правда единственная в своём роде.

Последняя. А не единственная. Ведь весь мой клан погиб, спасая замок Ванрейсов от нашествия монстров.

Почувствовав на себе пристальный взгляд, я перевернулась на спину и посмотрела на него. Он вглядывался в меня почти испытующе, а в серых глазах бушевал знакомый огонек интереса.

— Комплименты тебя тоже не смущают?

— Ты пытаешься меня смутить? — уточнила я.

Астарот усмехнулся, заправляя рубашку в штаны.

— Не то чтобы намеренно. Просто наблюдаю. Пытаюсь понять.

— Зачем?

— Это интересно.

Он. Вот кто был настоящей загадкой.

— Я не буду носить все принесенное тобой, вели вернуть лавочникам.

Я проследила за тем, как он медленно возвращается к постели и садится рядом. Кровать прогнулась под его весом. А затем... Он вдруг слабо щелкнул меня по лбу. От удивления я вздрогнула.

— Ты что же, собралась сопровождать меня в этих лохмотьях? Уж прости, маленькая дикарка, но даже если тебя не волнует твой имидж, то меня мой - очень.

Я непонимающе моргнула.

— Как мой внешний вид касается твое имиджа?

Мое недоумение отразилось на его лице.

— А ты точно замужем? Женщина - лицо мужчины.

Это так? Наверное, не на Севере.

— У мужчины свое лицо, у женщины - свое.

— Это не обсуждается, Раакель. Я не могу позволить, чтобы женщина рядом со мной выглядела, как оборванка. Это ниже моего достоинства.

Как же сложно.

Вздохнув, я села, оглядывая комнату, заставленную сундуками.

— Даже если так, мы что, собираемся остаться здесь еще на год?

— На год? — фыркнул Астарот. — Того что есть тебе едва ли хватит на пару недель. Каждый день ты должна надевать новый наряд, разумеется, украшения тоже не должны повторяться.

Я посмотрела на него, как на безумца. Какая растрата денег. На это можно было бы содержать замок целую зиму.

— Ты привыкнешь.

Но у меня закрались сомнения. Смогу ли я привыкнуть, а главное, стоило ли вообще привыкать?

ГЛАВА 6

Уже некоторое время я буравила взглядом огромный шкаф, куда чудом смогла уложить свои обновки. Книги по магии остались лежать на кровати. А меня, к собственному удушающему стыду, волновали новые платья.

Мне хотелось примерить их, покрутиться у зеркала - я смутно помнила, как на Соревале радовалась каждой вещице, подаренной отцом или матушкой, как суетливо обряжалась в нее и ходила по улице, хвастаясь нарядом.

Я помнила искрящееся счастье и гордость.

И теперь я боролась с желанием испытать эти чувства снова и страхом *их не испытать*.

Жажда жизни победило над страхом осознания собственной искалеченности.

С решительным выдохом, будто собираясь на войну, я распахнула створки, сорвала с вешалки первое попавшееся платье, и...

Мир вдруг пошатнулся.

Пол под ногами стал жидким, я почувствовала, словно мои ноги будто засасывает в трясину. Я инстинктивно вцепилась в дверцу шкафа, но дерево под пальцами поплыло, потеряв твёрдость.

Перед глазами замерцали яркие пятна, кружась в хороводе, к горлу подкатила тошнота. Воздух загустел настолько,

что стало нечем дышать, а затем... Вдруг все прекратилось.

Моргнув, я поняла, что нахожусь в незнакомом месте. Помещение было размером с нашу с Астаротом спальню, но потолки уходили ввысь куполовидными сводами, теряясь в тенях. Воздух был прохладным, неподвижным и пах старым камнем, воском и ладаном.

Взгляд скользнул дальше и я увидела массивный круглый стол, за которым стояли восемь человек. Нет... Это были не люди. Нечеловечески яркие глаза мерцали в полумраке, а исходящая от них сила заставляла мурашки бежать по коже.

Один из них - демон с проседью на висках и едва заметными следами возраста на лице - поднял голову и посмотрел прямо на меня. Нет. Сквозь меня. Будто меня здесь и вовсе не было.

Я попыталась сделать шаг, но поняла, что не могу шевелиться. Словно меня гвоздями прибили к месту в полу. А когда я попыталась посмотреть на собственные руки, то не увидела *ничего*. Мое тело стало бесплотным.

— ... ослеп, — услышала я голос демона, стоящего ко мне спиной. — А его щенок сбежал на север.

Мужской голос был низким и гулким, разнесшимся эхом по залу.

— Это наш шанс, — подхватил другой голос, более молодой, с дрожью нетерпения. — Другого может не быть.

Но стоящий рядом с ним демон немедленно отвесил ему затрещину, одарив презрительным взглядом.

— Молчи. Кто научил говорить тебя поперек старших?
Тот сразу присмирел.

— Простите, отец.

— Тем не менее, твой сын прав, Аббадон, — задумчиво проговорил другой демон, его глаза блеснули хищным золотом. И что... Что-то в его манере говорить, держаться, или даже черты его лица внезапно напомнили мне Астарота. — Джаркейн силен. Хоть и порывист.

Джаркейн.

Имя зазвенело в ушах. И я почувствовала, как внутренности застывают и срываются в ледяную пустоту.

Джаркейн. Наследный принц Империи. Фигура из придворных сводок, которые я вскользь пробежала глазами в библиотеке. Существо из другого измерения — мира политики, тронов и дворцовых интриг, который был так же далёк от меня, как звёзды от дна морского.

Почему они говорили о нем?

— И не смотря на все попытки брата его испоганить, при дворе у кронпринца много сторонников, — продолжил демон, поражая меня очередным ударом.

Брат... Значит, говорящий был эйром Молохом Абердэне? Младшим братом императора?

Меня охватил физический ступор. Я перестала дышать.

Что я вообще делаю среди этого разговора?

Я была незванным свидетелем на совещании убийц. Моё существование здесь было абсурдом, ошибкой в ткани ре-

альности.

— Но Джаркейн порывист. И глуп. Дрянное воспитание. Он подставился под удар, покинув столицу, — продолжил Молох, обводя задумчивым взглядом своих приспешников. — Особенно теперь. Когда брат болен.

Он сделал паузу, и в этой паузе повисло нечто большее, чем тишина - предвкушение. Острое и расpalенное, как у хищника напавшего на кровавый след своей добычи.

— Я подготовил пергамент. Но потребуется ваша сила, — тихо прошелестел демон, стоящий с краю и протянул свиток Молоху. — Властелин, даже будучи слепым, может что-то заподозрить и откажется поставить свою печать.

И в этот мир мое неподвижное бесплотное тело вдруг словно веревкой потянули вперед. Я едва успела моргнуть, как уже преодолела расстояние до стола и зависла над ним, над головами демонов, глядя в записи на древнем языке.

«Указ о передаче престола», — прочитала я, с трудом воскрешая в памяти застарелые знания, вызубренные когда-то под бдительным надзором отца.

Текст был сложным, полным оговорок и витиеватых формулировок, потребовалось бы не меньше двух часов, чтобы расшифровать его полностью. Но я смогла выхватить ключевые слова. И они, как осколки разбитого зеркала, сложились в ужасающую, чёткую картину.

«... ввиду продолжительной и нарастающей неспособности...»

«... юный возраст и неопытность единственного законного наследника»

«...в целях сохранения стабильности Империи и дабы не допустить смуты...»

«...право наследования изменено...»

«...брат Властелина, эйр Молоху Абердэне...»

Меня словно ударили поддых, выбив из груди весь воздух. Это был не просто указ. Это была легализация переворота.

И вдруг пространство снова стало меняться.

Мир перед глазами поблек, и я очутилась в крошечной темноте. Здесь пахло сыростью, кровью и яростью.

Постепенно, когда мои глаза начали привыкать ко мраку, я смогла разглядеть темную сгорбленную фигуру. Руки, заведённые за спину, были вывернуты в суставах под таким чудовищным углом, что по спине пробежала волна собственной, фантомной боли. Их сковывала тонкая цепь, словно паутинка из тёмного металла. Она то и дело вспыхивала тусклым багровым отсветом, и с каждой искрой тело пленника судорожно дёргалось, а в воздухе повисал тихий, сдавленный хрип.

Раздался металлический, режущий по ушам скрежет. Распахнулась дверь, впуская в мрачное помещение холодный свет магического огня. Я узнала вошедшего.

Молох Абердэне.

Но не тот, что стоял у стола заговорщиков. Теперь он был... Другим.

На его плечах лежала тяжёлая, мантия из пурпурного бархата, расшитая призрачным серебром узоров. А на голове ледяным пламенем горела корона.

Его глаза, холодные и бездонные, уставились на сторбленную фигуру в цепях. В них не было ни злобы, ни торжества. Только спокойная, леденящая душу уверенность.

Словно всё уже было решено. Бой выигран.

И тем не менее фигура в цепях — медленно, с нечеловеческим усилием, с хрустом напрягающихся мышц и скрежетом металла о камень — непокорно подняла голову.

Свет от магического пламени упал на изможденное, в грязи и запекшейся крови, но все еще яростное и прекрасное лицо. На знакомый до боли разрез глаз. На упрямый, сломленный нос. На губы, сложившиеся в привычную, надменную усмешку, в которой теперь читалась только бесконечная усталость и презрение.

Весь мир сжался в точку. Время остановилось. Воздух кристаллизовался в лёгких.

Астарот.

Но... Что... Как... Откуда...

Мыслей в голове было так много, что они рассыпались пылью, не позволяя ухватить ни одну из них, они взмыли вверх песчаной бурей и, наконец, сложились в единственный вопрос: «Как он оказался здесь, в этих цепях?».

С удушающим оцепенением я наблюдала, как Молох медленно, ощущая власть в каждом движении, подходит к Аста-

роту.

— Тебе недолго осталось, мой мальчик, — произнес он почти с отеческой заботой. — Ты боролся достойно. Но подавляющие цепи действуют неумолимо. Скоро вся твоя, — он мягко провел рукой в перчатке по воздуху в сантиметре от окровавленного виска Астарота, не касаясь, — сила перейдет мне.

Астарот не отвечал. Только его взгляд — взгляд горящий раскаленным золотом, а не вымерзшим пеплом — тусклый от боли, но все еще не гаснущий, встретился с взглядом Молоха.

И в этот миг меня взрывом накрыло оглушающее, сносящее с ног осознания.

Черные, как ночной шторм, волосы.

Золотые глаза Верхонового демона. Цвет расплавленного солнца, цвет абсолютной власти, унаследованный от отца, от целой династии Владык.

Сила, которую я чувствовала кожей даже сквозь давление цепей. Сила не завоеванная, а данная от рождения. По праву крови.

Высшие...

Это не Астарот.

Джаркейн.

Джаркейн Абердэне. Кронпринц империи.

И его дядя, Молох, стоял здесь не как убийца взбунтовавшегося подданого. Он стоял как цареубийца. Как братоубий-

ца, пришедший добить племянника и высосать из него последние капли законного права на трон.

Всё сложилось. Ужасающая, безупречная картина. Его манера держать себя. Станные высокомерные слова. Знание столицы. Его молчание о прошлом. Его... все.

Воздух, которого у меня не было, вырвался из груди беззвучным стоном. Это было не изумление. Опустошение.

А упругую, трескающуюся от напряжения тишину вдруг прорвал хриплый, уничижительный смех.

— Ты можешь забрать все, Молох, — проскрипел Джаркейн, и золото его глаз вспыхнуло багровым. — Но смерть... Смерть я тебе не отдам.

Цепи, обвивавшие его тело, взвыли тонким, пронзительным визгом, вздыбились и взорвались изнутри. Не от внешней силы, а от той - что была в самом их центре - в его выкрученных запястьях и переломанном позвоночнике. Темный металл, способный гасить волю, на миг стал ярко-алым, раскаленным добела, а затем рассыпался в пыль, похожую на истолченный уголь.

Молох отступил на шаг. В его глазах, на миг, промелькнула расчетливая ярость. Руки инстинктивно вскинулись, щиты магии затрепетали в воздухе. Но атаки не последовало.

У Джаркейна не осталось сил даже на последний удар. Его отчаянный жест был не бунтом. Это был акт верховной воли - свободы воли, как именно принять свою смерть.

Его тело задрожало, как струна, готовая лопнуть. Но он

устоял. Сквозь маску грязи, крови и нечеловеческой боли на его лице пробилась та самая, знакомая до боли язвительная усмешка, и... его тело пошло трещинами.

Яркие, ослепительные линии, будто кто-то провел раскаленным алмазом по хрусталу, прорезали его плоть изнутри. Они горели не кровью, а остатками его собственной, выжженной, но не покорившейся силы.

Раздался хлесткий, как удар бича, щелчок. Бархатный, глубокий, всасывающий весь воздух из темницы.

И его не стало.

Ни тела. Ни праха.

В течение бесконечно долгого мига, оторопевшая, онемевшая я смотрела как беззвучно оседает на пол алая пыль. Молох отпустил защитную формацию, досадливо хмыкнул, отряхнул руки и вышел вон.

Железная дверь за его спиной с грохотом захлопнулась. И этот громогласный звук воем отозвался в моей душе. Что-то внутри яростно взбунтовалось.

НЕТ.

Мысль, крик, клятва — всё в одном, родившееся не в голове, а в самой глубине естества, где властвуют слепые инстинкты.

ТАК НЕ БУДЕТ.

Темница начала расплываться, утягивая меня обратно в воронку между мирами. Но на этот раз я не позволила нести меня, безропотно подчиняясь ее велению. Бесплотными ког-

тями воли я впивалась в сам воздух. Я должна была вернуться назад. Должна была остановить это!

Хлопок.

И я осознала, что сижу на коленях перед распахнутым шкафом, вцепившись пальцами в ворс ковра так, что суставы побелели. В комнате пахло едва уловимой сладостью, деревом и полынью. Запах Асторота... Джаркейна...

Тишина была густой, звенящей, нарушаемой только бесшумным стуком сердца, которое колотилось о ребра, как пойманная птица.

Я пыталась дышать ровно.

Здесь не было алой пыли. Не было запаха крови и ладана. Не было скрежещущей железной двери.

Но грохот всё ещё стоял в ушах. Искры подавляющих цепей всё ещё слепили глаза. А картина *исчезающего* Джаркейна клеймом выжглась в памяти.

Пошатываясь, я поднялась.

Мысли текли бушующим потоком, но тело будто знало что делать.

Его не было в поместье. Он, как всегда ушел. Я не могла ждать его возвращения. Нужно было действовать немедленно. Спотыкаясь об ковер, я добралась до стола и дрожащими руками схватила его дневник, спешно перелистывая страницы.

Монстр... Описание... Повадки... Следы обитания... Ловушка...

Вот оно!

Я не думала, как доберусь до места, где охотился Джаркейн. Не думала, что буду делать, если по пути на меня нападут монстры.

В голове пульсировала только одна мысль: «Я не позволю этому случиться».

— Стой! — услышала я окрик мага, его голос, искаженный магическим усилением, прорезал свист ветра в ушах. — Куда летишь?! Запретная зона! Стой!

Но вместо того чтобы послушаться, лишь вцепилась пальцами в взъерошенную шею грифона, подоткнув его лететь быстрее. Но вместо того, чтобы послушаться, лишь подоткнула грифона лететь быстрее.

Высокая каменная крепость, охраняемая несколькими уровнями мощнейшей магии, была последним рубежом. С её зубчатых стен на меня смотрели изумленные лица дозорных, но выстрелов не последовало — их приказы не позволяли стрелять в спину тем, кто уже *там*. Крепость отсекала мир *от Пучин*, но не наоборот.

Ветер взметнулся, взвыл и ударил прямо в лицо, царапая кожу темной пылью, которой не было секунду назад. Я выставила руку, защищаясь, но получила лишь новые раны. Пересекающие барьер маги выставляли щит, но у меня не было магии, оставалось только терпеть. Воздух гудел, сопротивляясь, будто сама реальность не хотела нас пропускать. Под-

нявший чудовищный свист, раскалывал голову на части.

Грифон яростно и испуганно заклекотал и взмахнул крыльями, намереваясь повернуть назад, в безопасность, но я вцепилась в поводья, заставляя слушаться.

Несколько бесконечно долгих мгновений мы продирались сквозь буро-серую воздушную массу, наполненную острыми песчинками, и наконец, с новым, тихим *хлопком* прорвались.

И *все* изменилось.

Ветер стих. Шум, гул, свист — всё смолкло, будто перерезанное ножом. Мы парили в могильной тишине. Я не слышала ни звука собственного дыхания, ни взмаха крыльев грифона. Зверь подо мной замер, оглушенный внезапной тишиной, как и я, только перья на его загривке медленно шевелились.

На языке был привкус пепла, старых костей и едкой горечи, от которой слезились глаза. Хотелось прополоскать рот, или сплюнуть. Но я понимала, это не поможет. Воздух целиком был пропитан этой субстанцией.

И наши маги сражались здесь с монстрами месяцами? Все знали, что Пучина - гиблое место. Но теперь, оказавшись здесь, я понимала - насколько.

Я смотрела на выжженную пустоту, прорезанную трещинами, сочащимися черной жижой. Впереди виднелись иссушенные лица, высившиеся до самых ярко-багровых небес. По коже прошли мурашки. Руки заledenели. Каждая клетка тела вопила, чтобы я развернулась и бежала.

Но я не могла вернуться, поджав хвост.

Джаркейн иногда пропадал здесь на несколько дней. Я не знала, насколько затянется его отсутствие в этот раз. Но чувствовала всем своим существом - времени у него не было.

Грифон летел медленно, замирая и с животным страхом всматриваясь вдаль. Я опустила его недостаточно низко, чтобы попасться на глаза выползшим из пещер монстрам, но достаточно, чтобы разглядеть Джаркейна.

Главное - не попасться на глаза армии.

Я слышала, что генерал Эльсштайт был в Пучине прямо сейчас. И он, в отличие от сторожевых на башне, не будет ко мне так милостив. Пересечение границы Пучины без особого разрешения сурово каралось.

Мой грифон вдруг резко дёрнулся в сторону, едва не сбросив меня. Из узкой, почти невидимой трещины ниже нас выпорхнул рой каких-то стрекозоподобных существ с хрустальными, отражающими тусклый свет тельцами.

Сердце в груди замерло, а затем заколотилось с бешеной скоростью, ухнув вниз. Я судорожно подстегнула грифона, и он, наконец, послушавшись стрелой метнулся вперед.

Идея, казавшаяся мне разумной, постепенно теряла любую логику.

Мне нужно было найти Джаркейна. Но как это сделать без магического амулета?

Он мог быть, где угодно. Эта мысль пронзила сердце иглой безнадежного страха. Джаркейн, наверняка, владел магией

маскировки, с ним был его преданный грифон, который в отличие от моего - взятого из общей грифятни - слушал каждое его слово.

За то же время, что и мы, они могли преодолеть расстояние вдвое, а то и втрое больше.

Отчаяние, кислое и липкое, подкатило к горлу. Но я не позволила чувствам захватить меня. Дрожь в руках я подавила волевым усилием, впившись пальцами в холодную кожу поводьев. Паника — это роскошь, которую я не могла себе позволить. Здесь она была смертельнее любого монстра.

Вместо этого я лихорадочно пыталась воскресить в памяти записки из его дневника.

«... десятиранговый монстр Ткач Разломов...», «... предпочитает холмистые земли рядом с лесом...»

Зона поисков снижалась, но все еще нужно было облететь весь лес по краю, на это могут уйти сутки... Отчаяние нарастало, и тогда... В животе прошла дрожь, слабая вспышка, и я, поддаваясь наитию, нырнула в это ощущение.

Краткий миг, в котором я увидела, как лес находится по правую руку, а под крылом грифона зияет огромный разлом размером с реку.

Я моргнула, и видение исчезло, оставив после себя не страх, а ледяную уверенность.

Отлично. Теперь у меня был ориентир.

Я вглядывалась в местность, выискивая нарушения в рисунке ландшафта. Холмы, сопки, кривые разломы - все не то.

Грифон, уставший плыть в густом воздухе, сделал широкий круг, и тогда я увидела *его* — не далее, чем в ста метрах начинался огромный извилистый разлом.

Нашла!

Я опустила грифона, заставляя его лететь низко, опасно низко, почти касаясь когтями той вязкой, отвратительной жижи, что пузырилась на дне. Воздух здесь был гуще, горче, и тишина давила на уши, как вата, пропитанная ядом. Сердце то замирало, то колотилось в слепом, животном ожидании. Я подстёгивала грифона — нельзя было медлить, не когда я вот-вот нашла Джаркейна.

Еще несколько мгновение полета, и вдруг... Глазам предстало нечто невообразимое.

На небольшой, относительно ровной земле у самого края пропасти ходили по кругу существа: краб, размером с колесницу, чей блёклый хитиновый панцирь был испещрён старыми шрамами и свежими сколами; волосатое чудище, похожее на слепого, сплюснутого медведя, на его спине торчал кристаллический шип, напоминающий грязный ледяной осколок, а вместо морды — скопление восьми крошечных, тускло мерцающих точек-глаз; клубок щупалец с единственным желтым глазом в центр; монстр, похожий на каменного троглодита с кожей, как потрескавшаяся глина.

Они шли в странном, чудовищно жутком хороводе, неприкаянно, словно телята в загоне, но молча, в гробовой тишине.

Холодный пот ледяными струйками скатился по спине, сковал шею. Организованная процессия посреди хаоса - это было зрелище, которое тяжело было воспринимать.

Грифон подо мной дернулся, а я даже не смогла его удержать, настолько, на физическом уровне, на уровне кричащих инстинктов, была потрясена увиденным.

Но странное действо еще не достигло апогея. Воздух над поляной завибрировал, и пространство в самом центре круга надломилось, словно готовилось к чему-то. И тогда, чудовища взбесились.

Нарушив свой идеальный хоровод, они рванули в разные стороны. Их рёв, визг, писк — какофония чистого, неконтролируемого животного ужаса — ударила по мне физически, как взрывная волна. Сердце не просто колотилось - оно разрывало грудную клетку, и каждый удар отдавался огненной болью в горле, в глазах. Поводья впивались в ладони, но я не чувствовала боли.

Это был кошмар. Кошмар наяву. И я знала, это зрелище его долго будет преследовать меня по ночам.

Воздух огласил тихий щелчок, от которого все внутри ухнуло и сжалось.

И над поляной в один миг появилась багрово-черная кривая линия, словно кто-то разрезал саму ткань реальность. Она стала стремительно расширяться, и из нее показалось оно.

Ткач Разломов.

Его тело напоминало потрескавшуюся черную керамику, в трещинах булькала знакомая жижа. У него не было головы. Вместо нее из «плеч» росли два серповидных, невероятно тонких и длинных клинка из того же, казалось, хрупкого черного материала.

Едва оказавшись в Пучине он исчез. Или точнее - стал невидимым, потому что его жуткое, внушающее первобытный ужас присутствие было хорошо ощутимо. Волоски на теле встали дыбом.

Несколько темных, едва уловимых вспышек - то тут, то там. У холма, на иссушенном дереве, прямо у разлома. И бегущие чудовища один за другим замирали с искаженными мордами, словно попав в чью-то ловушку.

Только тогда оно показалось снова - возникло в самом центре.

Мой грифон обезумел. Взмахнул крыльями, и вместо того, чтобы унести прочь, вдруг ринулся прямо на Ткача.

Время замедлилось до ползучей, тягучей капли.

Ткач Разломов хищно повернулся к нам. Я видела, как его серпы начинают своё движение. Медленное, исполненное чудовищной грации.

В горле стоял ком ледяного ужаса. Это конец.

И тут пространство взревело.

Из бездны разлома вырвался столп чистой, дистиллированной, жестокой Воли. Он был цвета расплавленного золота и ночного неба одновременно, и в его рёве слышался скре-

жет разрываемых законов реальности.

В доли мига столп разросся на несколько уровней сложней формации, вознесясь до самых небес, а затем обрушился на Ткача. У чудовища не было даже шанса на то, чтобы увернуться.

Раздался звук, от которого кровь заledenела в жилах. Еще доля мгновения, и все затихло.

Ошарашенная, обескураженная, испуганная я обернулась, и вдруг оказалась подхваченной яростной волной, снесшей меня с грифона. Из груди вырвался задушливый выдох, и я больно ударилась о сухую, выжженную почву Пучин.

— СОЖРИ ТЕБЯ МОНСТРЫ, ЧТО ТЫ ТУТ ЗАБЫЛА?!

Знакомый голос. Он не кричал, но каждое его слово было наполнено такой испепеляющей силой, что воздух закипел. Но страх вдруг испарился, оставив после себя вакуум, в котором застыло само время.

Взгляд пополз вверх, по сапогам, мышцам ног, облаченным в кожаную броню, по рукам, туловищу и остановился на горящих ледяным пеплом глазах.

— ТЫ ХОТЬ ПОНИМАЕШЬ, ЧТО ПРОИЗОШЛО? Я ОХОТИЛСЯ ЗА НИМ ДВА ГРЕБАННЫХ МЕСЯЦА. ЧУТЬ НЕ СДОХ, ПЫТАЯСЬ ВЗЯТЬ ЕГО ЖИВЫМ. И У МЕНЯ ПОЧТИ ПОЛУЧИЛОСЬ, НО ИЗ-ЗА ТЕБЯ...

Джаркейн почти орал, трясаясь от бешенства. Никогда еще я не видела его таким. Потерявшим контроль. Находящимся на грани.

С пустым выражением я смотрела на него и понимала чудовищную трагедию.

Джаркейн тоже сбежал. Два месяца он охотился за монстром, желая сделать его своим фамильяром, но это был лишь предлог. Он *уже* был одним из самых сильных магов - увеличивать потенциал не было необходимости. Сколько фамильяров не заведи, но в столице - как я успела увидеть - дела решались не грубой силой.

Ложь, лесть, измены, подставы - вот из чего состоял арсенал.

Его отец заболел, дядя плел интриги - уезжать нельзя было ни в коем случае. Но он ушел. Как и я, не в силах больше теперь, притворяться, что все в порядке, и не хочется вывернуть внутренности наизнанку и заорать.

Грубые слова вылетали из его рта один за другим, но я не слушала. *Не слышала.*

Сердце сжималось - *от сочувствия. От узнавания.*

— Джаркейн.

Он замер, осекся на полуслове и посмотрел на меня взглядом полным остаточной ярости и подозрения.

Я медленно поднялась, преодолевая свинцовую тяжесть в каждой кости. Физическая оболочка, измотанная до предела, была пустой скорлупой. Но в этой пустоте, в самом центре тотального истощения, родилось новое чувство — не сила в привычном смысле, а безграничная внутренняя опора. Тихая, как дно океана, и такая же несокрушимая.

— Нам нужно вернуться в столицу. Немедленно. Иначе ты умрешь.

Джаркейн не двигался. Не говорил ни слова. Продолжал смотреть. В его взгляде, ещё секунду назад полном бурлящей стали, началось странное движение. Цвет глаз, тот пронзительный серый пепел ярости, стал исчезать, уступая место глубинному свечению.

Медленно, как расплавленный металл, заполняющий форму, из самой сердцевины радужки проступило золото. Яркое, древнее, родовое. Золото династии Абердэне, признак крови, которую он так яростно отрицал в своем бегстве.

Ярость погасла, следом ушло подозрения, оставив только уязвимую, ничем не прикрытую пустоту.

— Веришь? — мой голос прозвучал не громче шепота.

Я спрашивала не про себя.

Веришь ли ты своему предчувствию? Готов ли ты перестать убегать и сразиться с монстрами, которые ждут тебя в столице?

Он закрыл глаза, тяжело сглотнул и провел по лицу ладонью. И тогда на его лице показалась странная поломанная усмешка. Усмешка, которую я видела в первый и последний раз.

— Да.

ГЛАВА 7

Три года спустя...

— Провидица, — с богоподобным почтением приветствовали меня рыцари и придворные, склоняя головы, пока я быстрым шагом шла по коридорам.

Нервозность и тревога подгоняли меня, подстегивая будто кобылу, заставляя идти быстрее. Я сама себе была противна.

Все закончилось.

Все давно в прошлом.

Но это гребаное видение словно отбросило меня на несколько лет назад.

Сводчатые потолки, вздымавшиеся ввысь стройными нервюрами, всегда дарили чувство простора. Мне было знакомо каждое кресло в нишах, каждый гобелен, но все это, столь привычное, теперь лишь замедляло меня.

Я ловила на себе взгляды придворных, полные липкого, хищного интереса. Разумеется...

Провидица, которая всегда безупречно следовала манерам и этикету, сегодня неслась, сбивая складки платья. Любое отклонение от ритуала здесь было сигнальным выстрелом — предвестником несчастий.

«У нее, наверное, было видение...»

Клянусь, с моим лицом вельможи сверялись чаще, чем с

часами.

Я к этому привыкла. Но сегодня хотелось разогнать всех прочь. Мне было противно от мысли, что кто-то увидит меня такой.

Не дожидаясь слишком медленных сторожевых, я сама распахнула тяжелые двери в личное крыло имперской семьи. Картины видения понукали не останавливаться, а беспокойство в груди разрасталось, как разлом, грозясь меня поглотить.

Но неожиданно перед покоем императора возник молодой юнец в начищенных новых доспехах. Его пальцы судорожно сжимали древко магического посоха.

— Провидица... Его Величество... не совсем один... — голос его срывался, а щеки пылали таким румянцем, будто его выставили на всеобщее обозрение голым. — Не положено...

Я не отвечала. Просто впиалась в него взглядом, в котором клубилась вся безысходность минувшего видения. И ярость накрывшая меня после. Рыцарь отшатнулся, точно от удара.

— Он приказал? — голос прозвучал резче, чем обычно.

Юнец отчаянно замотал головой.

— Н-никак н-нет...

Из глубины анфилад донесся сдавленный вопль и топот. К нам бежал командир стражи с искаженным от страха лицом.

— Простите, Провидица. Я недостаточно проинструктировал новенького. Я накажу его со всей строгостью.

Эта мелкая ошибка на мгновение остудила мой пыл. Я внимательно посмотрела на командира.

В ушах раздался тихий звон, живот потянуло вниз в накрывающей тошноте. Миг - и ткань времени затянула меня в видение.

Льстивая улыбка, купчая на дом в столице и щедрое приданное для будущей жены.

Видение развеялось также внезапно, как и пришло. С тихим выдохом я вернулась к командиру. К командиру, который успел посереть лицом настолько, что колонны стали выглядеть живее его.

— К службе у покоев Императора не должны допускаться новобранцы. Особенно *посаженные*, — отрезала я, желая поскорее разделаться с этим раздражающим препятствием. — Верни жетон командира стражи и жди наказания от Властелина.

Командир затрясся и рухнул на колени, глядя на в исступленном ужасе.

— Провидица, смилуйтесь.

— Ты опустился до взяток. Молись Высшим, чтобы твоя голова не полетела с плеч.

Больше не медля, я распахнула дверь и оказалась в будуаре.

Лети все в Пучину! И почему чтобы добраться до императора, приходилось идти через целый лабиринт?! Никогда еще размеры дворца не бесили меня так, как сегодня.

Я пересекла комнату, схватилась за ручки последней двери и рванула их на себя.

Эйра Виссмарт, новая фаворитка, с криком отшатнулась от Джаркейна, едва успев придержать рукой сползающий корсаж. Она бросила на меня короткий взгляд, вспыхнувший гневом и вызовом, но поспешно опустила глаза, чтобы Джаркейн не заметил.

Сам же Император обернулся ко мне с кривой усмешкой, наверняка готовый выдать какую-нибудь остроту, но увидев выражение моего лица застыл. Лишь после паузы, глухой и плотной, прозвучал его приказ:

— Вон.

Эйра подняла голову, на ее лице промелькнуло торжество. Упоение. Власть, которая будто говорила: «Даже если ты владеешь знанием о прошлом и будущем, в спальне Императора заправляю только я».

Но когда Джаркейн резко обернулся к ней, пронзив раздраженным взглядом, она поняла, кому именно предназначался приказ.

Надоедливая девица пронеслась мимо меня с дрожащими от подступающих слез губами, меня обдал запах ее приторно сладких цветочных духов. Дверь захлопнулась.

Под пристальным взглядом Джаркейна я прошла вглубь комнаты и устало опустилась в кресло. Бездна безысходности, наконец, разверзлась у моих ног, готовая поглотить целиком.

Джаркейн подошел не спеша, словно не желая потревожить меня излишне резким движением, и опустился на корточки, скользя по лицу внимательным взглядом.

Он не торопил - *выдерживал паузу*, позволяя мне перевести дух, прежде чем начать говорить. *И я бы хотела*, но слова застряли в горле.

Удушающее, унижительное прошлое было моей границей - крепостью, к которой я никому не позволяла приблизиться. *Ни себе, ни Джаркейну.*

А теперь... Теперь я должна не просто опустить подъемный мост и распахнуть ворота, а устроить гребаный взрыв, отправляя все оборонительные сооружения в пасть к монстрам.

Закрыв глаза, я медленно прерывисто выдохнула, собирая себя по кусочкам, напоминая себе, что прошлое позади. Что я изменилась. Теперь у меня был Дар. Власть. Уважение.

Но... Какая ирония... Все эти внешние атрибуты были ничем перед чудовищами прошлого.

— Мне было видение, — хрипло вытолкнула я слова через слипшееся горло.

Джаркейн чуть сдвинулся и обхватил мои дрожащие колени, успокаивая своим прикосновением. И это помогло. Стоило ощутить теплое, заботливое касание, как край бездны отодвинулся, позволяя вдохнуть.

— Я должна поехать на Север.

— Зачем? — спросил он негромко. Джаркейн словно не

хотел нарушать осторожную тишину - то пространство, которое создал для меня.

— Я... не могу сказать... Это связано с монстрами. С Пучиной. Высшие хотят, чтобы я вмешалась, — пробормотала я, сжимая в кулак ледяные пальцы.

На Север. К нему. Вернуться в этот кошмар. Оживить его собственными руками.

— Через пару дней маги-новобранцы отправятся в Пучину. Мы присоединимся к ним. Я отдам распоряжения, чтобы все подготовить к нашему отъезду.

Мы присоединимся. Наш отъезд.

Ощущая нарастающий ком в горле, я открыла глаза, ловя взгляд золотых глаз, за три года ставших родными. Губы сами собой изогнулись в легкой, благодарной улыбке.

Джаркейн даже мысли не допускал, чтобы отправить меня одну. Теплая искрящаяся благодарность задрезбезжала внутри, отгоняя ядовитые клыки бездны еще чуть дальше.

От него сложно было услышать ласковое слово. Его сила была в другом. Не в словах. И это было куда ценнее любых обещаний.

Джаркейн продолжал молчать. Знал, что это еще не все. Облизнув пересохшие губы, я опустила глаза.

— *Я не хочу его видеть,* — прошептала я, и на меня разом нахлынули давно похороненные чувства.

Унижение. Стыд. Боль. Безысходность.

Словно и не было этих трет лет. Словно я все еще была

той вымерзшей душой в теле подростка, вынужденной сражаться с грубыми северянами и терпеть их вечное пренебрежение.

И на вершине апогея - он. Моя предсмертная агония. Мой гребаный муж.

Воздух в комнате застыл, сгустился до состояния желе.

Я боялась поднять взгляд. Не потому, что ждала осуждения или непонимания.

Просто я впервые произнесла это вслух...

Джаркейн знал, кто я. По столице ходили слухи. Но я никогда не признавала свою связь с Айстанэром.

Эйра Ванрейс. Тень, которая следовала за мной по коридорам имперского дворца. Призрак, чьё имя я носила три года и от чьего присутствия бежала, как от чумы. Вечное ненавистное клеймо.

Джаркейн шумно выдохнул. Его пальцы, лежавшие на моих коленях, сжались — не для утешения, а в порыве сдержанной, мгновенной ярости

— Убить его?

В двух жестких словах не было вопроса. Было решение. Простое, ясное и чудовищно соблазнительное, как острый клинок. Обещание абсолютного, окончательного конца.

Но я помотала головой, с трудом разжимая слипшиеся губы.

— Северяне поклоняются ему. Казнишь - и они восстанут. Мы получим не союзников против Пучины, а вторую войну

на другом фронте. Нельзя. Пока монстры наступают... нельзя.

Губы Джаркейна дрогнули в кривой ухмылке. Впервые после начала нашего нелегкого разговора.

— Моя маленькая кровожадная дикарка. Уже успела заглянуть в будущее? Неужели я так предсказуем?

Из меня вырвался пузырящийся хриплый смех, и я несильно ткнула пальцами в его лоб.

— Это чистая стратегия, мой Властелин. Иногда полезно использовать голову.

Я задержала взгляд на его глазах, и в их золотой глубине увидела отражение собственных мыслей. Мы были двумя сторонами одной монеты: его ярость была мгновенной, чистой, физической. Моя — холодной, отложенной, пропитанной ядом воспоминаний. Но логика, к которой мы оба пришли, была одной и той же. Мы оба знали цену войны.

— Знаешь, мужчинам нужно иногда очищать голову от лишних мыслей. Но что делать? Ты прервала мой сеанс, — он произнес это с абсолютно серьезным, почти оскорбленным выражением на лице. Только Джаркейн был способен нести бред с такой уверенностью. Это не менялось с самой нашей встречи.

И я никогда не признаюсь, но я безумно любила эту маленькую игру.

— О, так значит эйра Виссмарт оказывала тебе помощь? Джаркейн кивнул, и на его лице расцвела самая что ни

на есть мальчишеская, бесстыдная усмешка. В его золотых глазах вспыхнули озорные искорки.

— А ты что подумала, развратница? Она владеет искусством сокрушительного массажа висков.

Смех подступил к горлу — острый, щекотный, несуразный, прорывающий плотину всего сегодняшнего кошмара.

— А точно... висков?

И мы оба расхохотались.

Это был не тихий смешок, а содрогающий, некрасивый хохот, от которого я согнулась пополам, а он прислонился лбом к моему плечу. Его спина тряслась. Мы смеялись над чудовищной нелепостью всего: над тем, что только что решали, убивать ли генерала Севера, а теперь обменивались пошлыми шутками. Смеялись над страхом, над болью, над этой невыносимой тяжестью, что теперь, хоть и ненадолго отступила.

Когда смех наконец схлынул, в спальне на короткое мгновение снова повисла тишина, но другая - уютная и легкая. Тиски, сжимающие мое сердце с самого утра, разжались.

Джаркейн отбросил назад сбившиеся волосы и поднялся.
— Я соберу совет вечером.

Я кивнула, расслабленно откидываясь на спинку кресла. Чувствуя себя почти безмятежно, и едва справляясь с желанием заползти на мягкое сидение с ногами и уснуть здесь.

Но нельзя.

Хоть это у нас и плохо получалось, но мы старались сохра-

нять видимость приличий. А ночевка в спальне Император точно было красной линии, которую пересекать не стоило.

Джаркейн задержался у моего кресла, подхватил платиновую прядь моих волос, пропуская меж пальцами, а затем резко развернулся и вышел вон.

— Провидица, все готово, — тихо прошелестела служанка, помогая мне подняться из купальни.

Другая - осторожно накинута мне на плечи пеньюар, позволяя влаге пропитать тонкую ткань. Я ступила на теплый мраморный пол и направилась в спальню. Слуги следовали за мной, как безмолвные призраки.

Когда я только оказалась во дворце после коронации Джаркейна, меня это смущало. Все же это место должно было стать моим домом на многие годы, и было лучше иметь верных и открытых слуг. Но вскоре я поняла, что это едва ли станет реальностью.

Они слишком боялись меня, чтобы довериться.

Для них я, словно всевидящее око, могла обнажить любые их грязные секреты и пятная на репутации, одним словом оборвать их будущее и жизнь. Привлечь внимание такой фигуры было смерти подобно.

Принять новую реальность было непросто. Но у меня было с чем сравнивать.

По крайней мере я получала безупречное обслуживание, а любой мой приказ исполнялся неукоснительно. Этого было достаточно.

Я позволила слугам высушить меня несложными бытовыми заклинаниями, облачить в платье для совета и подвести к туалетному столику с огромным зеркалом. В нем я поймала свое отражения.

Подростковая угловатость ушла, уступив место плавным изящным линиям. Высокий, лоб переходил в тонкий нос с изящной горбинкой у переносицы. Тень от белоснежных ресниц лежала на красиво очерченных скулах. Мое лицо можно было бы назвать гармоничным, если бы не одна деталь.

Мои глаза.

Большие светло-серые глаза приковывали к себе все внимание своей блеклостью. В них не было зрачков - лишь густая туманная пустота. Они смотрели на меня из зеркала — видя то, что было недоступно отражению. Красота, остановившаяся на пороге аномалии.

Вот почему никто в моем присутствии не поднимал головы и избегал смотреть на меня прямо. При дворе ходила байка, что стоит мне встретиться с кем-то взглядом, как я тут же узнаю его прошлое и будущее.

Не более, чем смехотворные слухи. Чтобы видеть *ткань времени* мне не нужен был контакт ни физический, ни зрительный. Видения приходили сами, как приливы. И глаза бы-

ли не инструментом, а клеймом. Точно также, как и волосы, поседевшие после первого видения.

Я поймала в зеркале осторожный взгляд одной из служанок, и она сразу же опустила голову.

Надоело.

Прикрыв глаза, я позволила чужим рукам убрать мои волосы в изящную прическу. Я чувствовала прохладное прикосновение шпилек из белого золота, тупые уколы зубцов диадемы с дымным агатом.

Джаркейн, будь он неладен, настоятельно просил меня придерживаться образа оторванной от мира смертных Провидицы.

«Они должны при одном взгляде на тебя чувствовать пропасть между вами».

Моя внешность стала его оружием утрашения.

Иронично, ведь по моему искреннему мнению я стала довольно симпатичной. Хотя, если говорить, положи руку на сердце, никаких доказательств этого у меня не было.

Открыв глаза, я задумчиво изучила каждую черточку лица.

Красота - продукт сравнения и признания. Чем больше окружающие восхищались твоей внешностью, тем красивее ты был в их глазах. Но комплиментов мне никто делать не осмеливался, и уж тем более, упаси их Высшие, - оказывать знаки внимания. Смелчак должен был быть самоубийцей.

Я остановила свое пристальное изучение на губах. Четко

очерченные, но не пухлые. У всех фавориток Джаркейна были большие губы.

— Я красивая?

Звук моего собственного голоса, нарушил привычный ритуал. Последствия были мгновенными.

Служанки вздрогнули как одна и рухнули на колени, где стояли.

— Провидица, во всей Империи нет никого, кто сравнится бы с вашей богоподобной красотой, — выдавила из себя одна, не поднимая головы. Голос её дрожал, как натянутая струна.

Я обернулась к ней, и перед внутренним взором встало видение: разбитая драгоценная ваза в коридоре на первом этаже, удушливый страх и судорожное движение пальцев, собирающих осколки.

Время восстановило свой бег, и я посмотрела на ее руки. На коротких пальцах с обгрызенными ногтями виднелись тонкие белесые шрамы от осколков вазы.

— Вы словно дитя Высших, спустившееся с небес, чтобы одарить нас своей милостью, — просипела другая, прижимая лоб к полу.

Я отвернулась.

В их словах не было ни капли искренности. Не было даже страха оскорбить. Был ужас перед необходимостью ответить. Они не говорили с женщиной. Они молились идолу.

Нет. Никто из них не был честен. Никто не смел озвучить

свои мысли.

Чем дольше я жила во дворце, тем острее понимала, почему Джаркейн сбежал из него три года назад. Эта искусственная почтительность была омерзительной.

Лишь один демон мог ответить на мой вопрос, и я собиралась задать его позже.

— Встаньте, — махнула я им. — И закончите свою работу.

Я не любила помещения Совета.

Высокие стрельчатые окна, затянутые свинцовыми переплетами, пропускали скупой, рассеянный свет, который не согревал, а лишь подсвечивал клубящуюся в воздухе пыль. Длинный стол из черного базальта был отполирован до зеркального блеска, а массивные кресла с высокими спинками, обитые потертым бордовым бархатом, напоминали судейские места на тайном процессе.

Зал пах старым камнем, воском и ладаном, как душная комнатуха, где совещались изменники, намеревавшиеся убить Джаркейна. Этот воздух настолько глубоко впечатался в память и соединился с образом закованного в цепи кронпринца с неестественно вывернутыми руками, что я едва могла здесь находиться.

Однако я понимала, что проведение собраний в этом помещении - дань уважения традициям. Джаркейн мог бы перенести их ради меня, но как и в замке Ванрейсов, я пони-

мала - власть это обоюдоострый меч, который не следовало обнажать понапрасну.

Когда я вошла, сидящие эйры поднялись со своих мест, приветствуя меня почтительными поклонами.

— Провидица.

Я пересекла зал. Ковер под ногами заглушал звук моих шагов и шорох льдистого шелка, устанавливая ожидающую тишину. Я села в кресло по правую руку от императора. Рядом со мной оказался эйр Виссмарт — отец фаворитки.

Эта традиция мне тоже была противна.

Будто то, что его дочь ублажает Джаркейна, делала самого эйра более значимым и полезным для империи. Если на то пошло, то сюда следовало сажать саму эйру Эмилию. *Она хотя бы работала.*

Раздражение зазудело под кожей, как надоедливая муха, которую нельзя прихлопнуть при всех. Оно требовало выхода. И я решила не сопротивляться искушению.

Повернув к нему голову ровно настолько, чтобы он попал в поле моего бесцветного взгляда я тихо спросила:

— Как ваши дела дома, эйр Виссмарт? Семья в здравии?

Он сглотнул так громко, что звук разнесся в натянутой тишине зала. Его пальцы, лежавшие на столе, сжались. Эйр стрельнул в меня коротким, настороженным взглядом — и тут же отвел глаза.

— Б-благодарю, Провидица. Все... все хорошо, — просипел он, и его голос сорвался на хриплой ноте, выдав ком в

горле.

Я не продолжила разговор. Просто продолжала смотреть, с холодным интересом наблюдая, как его вся его уверенность, гордость за место в совете, напускная важность стекает, как грязь под ливнем.

Повисла пауза. Периферией зрения я видела, как застыли другие эйры, затаив дыхание, наблюдая за этой немой попыткой.

— Вам... — он прокашлялся, пытаюсь вернуть голосу твердость и лишь выдав новый приступ паники. — Вам... было видение?

Уголки моих губ дрогнули в едва уловимой, ледяной усмешке.

— Кто знает.

Я увидела, как его лицо посерело, сочетаясь с мрамором стен. Теперь он, наконец, занимал здесь место по праву. Как деталь интерьера.

Оставив его нервничать в этом вакууме собственных домыслов, я плавно, словно не произошло ничего значительного, повернулась к эйру напротив. Тот дернулся на своем месте.

Эйр Дэльвин. Поддержавший восставшего Молоха. Джаркейн пощадил его, тем самым заручившись верностью его рода. Но это не значит, что его простила я. И раз уж я сегодня выпустила своего внутреннего монстра, почему бы не дать ему порезвиться?

Но мое развлечение закончилось.

Дверь распахнулась и вошел Джаркейн. Мигом оценив ситуацию, он скользнул ко мне ленивым взглядом и усмехнулся.

— Провидица не даёт вам предаться праздности, почтенные эйры?

ГЛАВА 8

Роли поменялись.

Теперь япарила в небесах на спине грифона, а *он* стоял внизу, вымороженный своим ледяным миром. Мелкая, тёмная точка на ослепительно-белом полотне.

Северный ветер рвал полы мантии с прежней ненавистью. Он царапал лицо ледяными иглами, пытаюсь найти щель в согревающем заклинании, вышибая слезу.

Я ненавидела холод.

Сжав поводья так, что побелели пальцы, и насильно пригвоздив взгляд к горизонту, я подстегнула грифона. Повинуясь, он сложил крыло, и мы пошли вниз по широкой, неспешной спирали в триумфальном снижении. Рядом чувствовалась массивная, молчаливая тень грифона Джаркейна.

Почувствовав его взгляд, я обернулась. Он внимательно следил за каждой моей реакцией. Ничто не укрылось от его взгляда. Я и не пыталась спрятаться. Не от того, кто знает, что у меня под кожей.

Грифон Джаркейна заклекотал возмущенный ме

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.